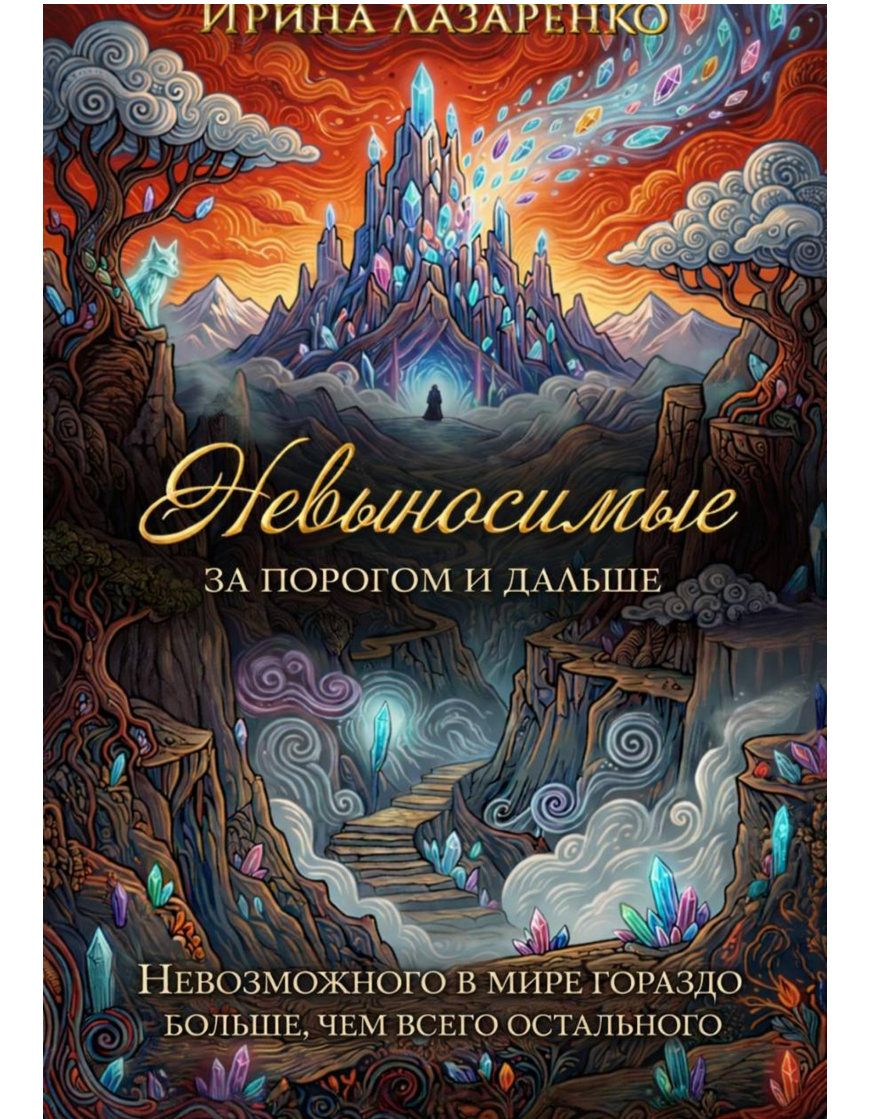

ИРИНА ЛАЗАРЕНКО

Невыносимые
ЗА ПОРОГОМ И ДАЛЬШЕ

НЕВОЗМОЖНОГО В МИРЕ ГОРАЗДО
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО

Ирина Лазаренко

Невыносимые. За порогом и дальше

<https://litres.ru/74534887>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почти сто лет назад появились в Идорисе междумирья-запорталья, куда есть ход только молодым. Туда сбегают развеяться и поискать диковинки на продажу, там отдыхают, получают острые впечатления и опыт в сражениях с магонами – полумразумными обитателями запорталей.

И только троим друзьям пришло в голову спросить: а почему все эти Миры окружены непроходимыми горами? И что там, за ними?

Алере, Тахару и Элаю придётся изрядно побороться за право пуститься в путешествие, но им очень, очень нужно перебраться через горы! Алера хочет всё разузнать о магических Кристаллах, которые добывают в междумирьях. У Тахара есть основания считать, что в запортальях застряли его родители, пропавшие много лет назад. А Элай – он просто ни перед чем не остановится, чтобы вляпаться.

История о дружбе, шилофпопии, готовности нести ответственность за свою безответственность и о том, как трудно

сбежать от чего бы то ни было, ведь в любое новое место ты берёшь с собой себя.

(Второй том цикла "Невыносимые")

Содержание

Часть 1. Перед чертой	6
Пролог	7
Глава 1	25
Глава 2	48
Глава 3	76
Глава 4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Ирина Лазаренко Невыносимые. За порогом и дальше

Ирина Лазаренко

Невыносимые. За порогом и дальше

Часть 1. Перед чертой

– И после завершения жизненного пути наши души проведут вечность, ликуя у Божиного порога – либо же вечность будут терзаемы бдыщами на берегах медовых рек. Ты понимаешь, что это означает?

– Да. У меня есть только одна жизнь и только одна возможность делать то, что я хочу. Ай!

Подслушано в божемольне

Пролог

Лето в этом году выдалось долгим, первый осенний холодок появился только к середине месяца засохня. Одновременно с ним в Лирму пришёл некромант.

Поначалу никто, конечно, не понял, кто он, этот не улыбающийся мужик средних лет с чуть намеченными недовольными складками у рта и болотно-зелёными глазами. Ведя под уздцы чёрного, мрачного с виду коня, мужик неторопливо, справляясь о направлении, дошёл до общинной конюшни, велел накормить и вычистить коня, а затем спросил, как пройти в лучшую кузнеческую лавку. И едва заметно шевельнул бровью в удивлении, услышав, что Лирма, посёлок на полтысячи человек, обходится одним-единственным кузнецом, гномом по имени Суджам.

Его лавка была устроена на первом этаже небольшого двухэтажного дома, кузня – под навесом за ним. О посетителе известил оглушительный скрип двери, которую, видимо, нарочно не смазывали, чтобы не тратиться на колокольчик.

– Сей вздох, сей вздох! – завопил в ответ на этот скрип густой гномий баритон из-за приоткрытой задней двери.

Посетитель сделал за порог два шага и остановился, оглядывая лавку. Она оказалась, пожалуй, просторной, но при этом довольно тесной: всюду сундуки, коробки и ящики, у стен – длинные, очень длинные и очень заваленные всяким

добром полки. Пахло почему-то мышами и сеном. На стене висела пара до изумления паршивых мечей.

Посетитель, снова шевельнув бровью от удивления, подошёл поближе и убедился, что мечи действительно паршивые, кривые, в окалинах и зазубринах, один с потемнением на режущей кромке – быть может, из-за повторной закалки, а другой – с заплаткой.

– Это не на продажу, – раздалось из-за прилавка. – Это для души.

Посетитель на миг прикрыл глаза, смирившись с тем, что напрасно потратит время и в этом посёлке тоже, однако в его привычках было доводить до завершения начатые дела. Потому он произнёс:

– Оружие меня не интересует, почтенный. Вовсе даже не интересует. Я ищу Кристаллы.

С этими словами он обернулся к владельцу лавки.

Гном был сильно немолод, но огненно-рыж, лохмат и с виду немного бешен. Услыхав о Кристаллах, он упёр в бока короткие руки, отчего кожаный фартук потянулся вверх, а сам кузнец стал слегка смахивать на призорца-полевика.

– Кристаллы, – повторил он. – Кристаллы – это можно. Кристаллов у нас тут мно-ого попадаетеся, места-то северные, на порталы богатые. А только, сам понимаешь, по большей части всё в города отвозим.

Проговаривая это, гном открывал один за другим ящики стола, доставал оттуда одну сыто постукивающую коро-

бочку, потом другую. Пошёл вдоль стены, то и дело ныряя в большие коробки или сбрасывая с полок всякую дребедень, брал оттуда ещё коробочки, шкатулочки и мешочки.

– Вот особенно по осени всё свозим в города, потому как зимой что? Зимой зимовать надо. Зимой нужен запас. Так что много Кристаллов через нас тут проходит, да не много задерживается. Но что-нибудь подберём, подберём...

Посетитель слушал Суджама, чуть поджав тонкие губы.

– Удивительное дело, – произнёс он наконец ровным голосом. – Я как раз из города еду, из Килара, и тамошние кузнецы в один голос говорят, что по осени искать Кристаллы нужно в поселениях. И Божиной клянутся, что это у них нет почти ничего, потому как поселяне придерживают камни до весны. А придерживавши камни до весны, поселяне потом дерут за них втридорога.

– Что-то и придерживаем, – не смутился Суджам и, пыхтя от усердия, потащил к прилавку охапку коробочек, шкатулочек и мешочков. – Потому как исследователи вроде тебя – они к зиме, бывает, приезжают к старому гному, да-а. Приедут, закупятся камешками и сидят до весны в своих лабораториях, опытничают. Но что я торгую втридорога – так то в Киларе брешут, хари бесстыжие! Хабзыг небось сказал, да? Брешет, бдыщевый хвост! Вот вдвадорога – это быть может, почтенный, очень даже быть может, поскольку зима идёт. А зимой что? Запасаться надобно. Так что и тебе хорошо, и мне хорошо окажется, если цена будет вдвадорога, так же?

Всё равно оно тебе дешевле, чем если те же камешки брать в южном Ортае и уж тем более – в западном, верно я говорю?

Кузнец сколупнул крышку с одной из коробок, показал посетителю содержимое: горсть серо-зелёно-прозрачных, круглых Кристаллов.

– Вот! Камни от пчелиного яда, полезнейшая вещь!

Небрежно развязал горловину мешочка, высыпал на ладонь несколько плоских молочно-белых Кристаллов с пятью неровными гранями:

– Эти – от муравьиного яда.

Шкатулка с прозрачно-голубыми камешками, красиво разложенными на белой тряпице:

– А вот магические, дают силы магу воздуха. Ты всего понемногу будешь брать или тебя какие-то определённые камни интересуют?

– Определённые интересуют, – повторил эхом посетитель. – Очень даже интересуют меня определённые камни. Тёмно-зелёные с коричневыми прожилками. Встречал такие?

– Не, – после недолгого раздумья признал кузнец и с досадой поскрёб бороду. – Таких не припомню. Это что за Кристаллы такие? Редкие, небось!

– Редкие. Некромантские.

– О-о-хохохо! – Радостно завопил кузнец, и посетитель едва не отпрыгнул от неожиданности. – Так я знаю, у кого есть некромантский камень! Да не мелочь какая-нибудь, а самый большущий из всех, какие бывают! Десятигранник! У

Алеры! У Алеры, у рыбоньки моей говорливой! У неё точно есть, во всяком разе два месяца назад был, и я это слышал вот этими самыми ушами от неё самой!

Кузнец снова упёр руки в бока, лицо его покраснелось от воодушевления, на лбу проступили капли пота.

– У Алеры ты и другие Кристаллы можешь спросить, она ж из тех, кто по порталам бегают, давно уже бегают, лет пять! – орал Суджам, размахивая руками, как взбесившийся ветряк. – Ух и бедовая девица, боевая, с парнями водится, аж двумя клинками машет, да как машет! Тут такое у нас было недавно, когда она троим парням, что хотели её...

– Мне просто нужен Кристалл. – Посетитель переступил с ноги на ногу. – Просто Кристалл нужен. Мне плевать на эту девицу.

Суджам снова затараторил, пуча глаза и брызгая слюной:

– Да я лишь говорю: Алера тебе что хочешь достанет из мирских диковин! Я даже обсидиановые мечи ей как-то заказал, так что ты думаешь? Месяца не прошло, как принесла!

Посетитель болезненно поморщился и принялся массировать переносицу.

– А Кристаллы она ж ещё и сращивает, рыбонька моя талантливая, – кузнец смахнул слезу умиления. – Никого не знаю другого, кто бы так ловко камни чуял, она даже шестигранники умудряется сводить, ну!

Тут лицо кузнеца скорбно сморщилось:

– И, конечно, эта зловредная рыбонька не приносит бедному старому гному и половины камешков, которые находит! Так что у неё ты что угодно можешь спросить или заказать чего надо, у неё кристальные закрома, небось, ещё разнее моих, ведь в город торговать она ж не ездит! Я тебе перескажу, как найти Алеру, а бедному старому гному хватит и серебрушки за посрэд... просеред...

– Посредничество? – дёрнул бровью посетитель.

– Точно так! – с удовольствием подтвердил Суджам, и тут его лицо озарило запоздалое сомнение: – Только ты же не собираешься этими Кристаллами торговать тут неподалёку, э? А то разливаюсь я тут перед тобой, как соловушка весенняя, а ты, может статья, конкурент паршивый, а?

– Нет, – вокруг рта посетителя углубились складки. – Я не конкурент. Мне Кристалл нужен для себя. Для себя он мне нужен.

– А. Аы-ы, – вырвалось из гномьего рта и на несколько вздохов кузнец застыл, пялясь на некроманта. Тот массировал переносицу. – Аг-га. Ну так. Я что. Я ничего такого. Мне что некромант, что кожевенник, к примеру, дело-то обычно, законом разрешённое.

Гном принялся расплетать завязки фартука, движения его стали суетливыми, нервными.

– Далеко ты забрался, погляди-ка. Или лаборатория некромантская из Меравии в Ортай переехала, а?

– Не переехала, – скупно буркнул некромант и полез за ко-

шелем. – Как найти эту Алеру, говори уже! Вот твоя серебрушка.

Монетка легла на прилавок.

– Я тебе не только скажу, я тебе ещё и покажу, – кузнец решительно выдвинул челюсть. Серебрушку с прилавка как корова языком слизала. – Сам отведу, быстрее будет.

Некромант поморщился, но ясно было, что кузнеца не переспорить, раз уж решил – так или иначе увяжется с ним, а Кристалл стоил того, чтобы потерпеть общество шумного гнома ещё какое-то время.

Десятигранный же некромантский Кристалл стоил того, чтобы терпеть общество целой армии шумных гномов.

– Только я не знаю, захочет она его продать или не захочет, – приговаривал кузнец, поспешая по улице на полшага впереди некроманта. – И ты с ней осторожно, с Алерой. Она девица та ещё, она рыбонька моя драгоценная, конечно, но и вредная такая, что всю печёнку выест! И постоять она за себя умеет, ты не думай! Не моги даже помыслить ей сделать какую-то гадость, понятно тебе? И дед у неё суровый, ух и суровый мужик, наёмничал полжизни, а теперь мальчишек учит биться на мечах, на топорах, ну кто во что горазд. Он очень лютый мужик, Орим! Очень лютый!

Некромант едва замечал дорогу и безмолвно молил Божию, чтобы дом рыбонькой девицы Алеры оказался не очень далеко от лавки кузнеца, потому как на его вопли оглядывались решительно все встреченные поселяне. Сказать, что

некромантов в Ортае любили, было бы сильным преувеличением, и для собственного душевного равновесия гость обычно представлялся лекарем. Теперь он очень ругал себя за то, что сболтнул кузнецу лишнего. Ишь, страшает теперь, перепугался за вредную девицу Алеру!

Что ей сделает некромант, ну право слово? Смешно. Тёмные глупые поселяне.

– Не знаю только, дома ли она теперь или с друзьями где-нибудь носится. Вечно она с друзьями носится, понимаешь, какая девка, да? С самого детства вчетвером они бегали, значит, она, двое эльфов и Тахар, он тоже маг, как ты, то есть не как ты, а просто маг, самоучка. Ты не думай, друзья за неё горой, случись что. Теперь их трое осталось, правда, четвёртый парнишка, из эльфов который, он погиб пару месяцев тому.

Кузнец остановился, пошарил в карманах необъятных штанов, достал сомнительной чистоты тряпицу и решительно в неё высморкался, оставив на носу полосу сажи.

– Хороший был парнишка, Рань его звали, подмастерьем у меня работал. Как он погиб – эти трое аж на месяц уехали, сначала в Эллор этот эльфский, хоронить прах Раня... представляешь, горстка пепла – всё что осталось от парнишки! Да, а потом не знаю, где их носило. Бабки шепчутся, мол, жили они где-то втроём, ну как муж с женой живут, значит, а потом что-то не заладилось и вернулись они обратно. Ну да бабы дурные, чего не придумают, конечно, а только Тахар

и Элай, ну друзья её, они за мою рыбоньку горой, не всякий муж за жену такой горой, я тебе скажу! И в доме у них полна коробочка, Орим-то, дед Алеры, как раз с Анаэн съехался недавно, с тёткой Элая, так что ты имей в виду: полный дом людей и эльфов там, полный дом!

Некромант был совершенно уверен, что прошёл уже не менее пятисот переходов, но почему-то Лирма никак не заканчивалась. Когда Суджам наконец указал на двухэтажный сруб и потянул на себя дощатую калитку, у некроманта даже не осталось сил на облегчённый вздох.

– Алера! – трубил кузнец и рысил к дому, отирая от пота лоб. – Алера! Ты дома или где тебя искать, моё наказание? Рыба говорливая, отзовись хотя б словечком! Не томи старого гнома безвестностью!

С этими словами он бухнул в дверь кулаком, а потом просто рванул её на себя, едва не своротив с петель, и ворвался в дом. Некромант остался снаружи, приложил ладонь ко лбу.

У крыльца, среди зарослей душистого арегатума, стояла бочка с водой, и неудержимо хотелось погрузить туда лицо – просто освежиться после нещадных воплей гнома. Привычное некроманту окружение было отнюдь не таким неуютным.

– Ну чего ты? – кузнец высунул голову из-за занавески, что прикрывала дверной проём от мух. – Идёшь?

Некромант вздохнул и последовал за Суджамом.

В кухне, куда вели сени, и впрямь оказалось полно народу: две эльфийки, постарше и помоложе, статный пожилой

мужчина с вовсе не старческими, кошачьими движениями, двое парней лет семнадцати или около того – человек и эльф, тёмные волосы которого были стянуты в высокий хвост, открывая уши. Белобрысый тёр ладонью лоб, моргал, словно перед глазами плясали мошки, мотал головой, будто силясь их разогнать, и некромант дёрнул уголком рта, увидев это. Именно так обычные маги ощущают близость некроманта. Ну или оборотня. Белобрысый, видимо, про оборотней знал, а про некромантов – нет, потому как, проморгавшись, дики-ми глазами посмотрел в окно.

В кухне лепили пироги и томили в печи что-то мясное, все перекрикивались и перешучивались, так что, верно, и не слышали, как Суждам колотил в двери. Ему пришлось несколько раз окликнуть хозяев: «Эй, Алера, моя рыбонька!», «Анаэн, Анаэн, дорогейшая, эй!», «Орим! Орим, скажи Элаю, чтобы сказал Алере поздороваться со старым гномом!». И наконец на вторженцев обратили внимание, один за другим смолкли голоса, шесть пар глаз уставились на пришлых, и некромант на несколько вздохов ощутил себя мухой перед многоглазым многоногим пауком.

– Доброго денёчка этому дому! – затарахтел гном, отирая ладони о штаны. – Тут мы вот по какому делу заглянули, по делишке пустяшной, к тебе заглянули, Алера, моя рыбонька черноглазая!

Некромант наконец разглядел среди всего этого мельтешения девушку. Если бы про неё можно было сказать одним

словом, некромант бы выбрал слово «тревожная»: почему-то при взгляде на неё приходил на ум камень, неустойчиво замерший на краю обрыва. Что-то было в ней неправильное, избыточное. Невысокая, черноволосая, с красивым, будто с картины, лицом: большие глазища, крупные точки-веснушки на носу, какая-то кошачье-роскошная осанка, из-за которой хотелось немедленно завернуть эту девушку в дриадские кружева и поставить в раму, словно картину. И резко-тревожно прочерченный рот с тонкими губами. И едва заметная нервность движений, словно она в следующий вздох обернётся, чтобы увидеть что-то злобное за спиной. И глаза... глаза жутчели по мере того, как Суджам с деланной бодростью пояснял, зачем они с некромантом пожаловали в этот дом.

Глаза Алеры, совершенно чёрные, словно полностью состоящие из огромного зрачка, наливались каким-то потусторонним мраком, и у некроманта возникла странная уверенность, что если сей вздох Алера посмотрит на него, то увидит в его собственных глазах все его тайны, помыслы и опасения.

И некромант вдруг понял: Суджам с ним потащился вовсе не потому, что испугался за Алеру. Он испугался за свою шкуру, когда Алера поймёт, кто отправил к ней некроманта, сообщив ему про редчайший десятигранный Кристалл.

– Суджам, тебе бдыщи насрали прямо в башку? – наконец спросила она.

– Алера! – строго одёрнул её дед.

– А чего он язык распускает? Я ему летом сказала: не продам десятигранник, а он мне...

Девушка наконец посмотрела в глаза некроманту – словно поболтала ложкой в его голове, будто в суповой кастрюле, разглядывая, чего там намешано. Но он взгляда не отвёл, только уголком рта дёрнул. Она отвернулась.

Эльфийки отступили к печке и тихонько возились с тестом и супом, делая вид, что вокруг ничего необычного не происходит. Орим встал перед ними, сложил руки на груди, уставился на некроманта неодобрительно.

Суджам снова затараторил. Про то, как здорово, что появилась возможность избавиться от этого странного Кристалла и радоваться надо, и нечего его держать в посёлке, а то незнамо чего он приманит с погоста, когда зима придёт, – дурное время, призрачное, колдовское.

Алера исподлобья переглядывалась с друзьями. Парнишка-маг сделался задумчив и очень серьёзен. Глаза и брови у него были темнее волос, оттого казались яркими и давали легко прочитать по его лицу всё, что творится внутри. Эльф кривил губы, словно собираясь плюнуть Суджаму в бороду, а поймав взгляд Алеры, неохотно, едва заметно кивнул. Она скривилось, он нахмурил брови. Алера снова поглядела на Тахара, тот тоже кивнул. Она снова скривилась.

– И эта мерзость, твой Кристалл, окажется в знающих руках, моя рыба неужемная, и там ему будет побезопасней, чем в твоих дёрганых ручечках, р-радость моя ненаглядная! Верно

говорю? Скажи, Орим!

Тот сумрачно глянул на Суджама, скривился, в точности как внучка только что. И рот у него был такой тонкогубый и широкий, как у Алеры.

На некроманта смотреть избегали, поглядывали и тут же отводили взгляд, пялились на Суджама или на Алеру, а потом снова быстро стреляли глазами в некроманта.

Пожалуй, довольно удачно, что некоторые разделы магии вызывает у ортайцев такие опасения. В другом случае, можно не сомневаться, Алера бы просто указала гостям на дверь.

Но сей вздох все они боятся. Не знают, что могут некроманты и чего не могут.

На что способен некромант, который знает, где взять нужную ему вещь, если эту вещь не хотят отдать добром? Да кто ж его ведаёт! Может, поднимет мертвяг с погоста и натравит их на неугодного человека. Или его самого приморит хитрой волшбой. Или проклятье наслёт лютное, чтобы несговорчивость размягчить, чтобы вредина сам к нему пришёл и ещё слёзно упрашивал взять то, что прежде отдавать не хотел.

Никто не знает, что могут некроманты. И это очень хорошо для некромантов.

– Ладно, – перебила Алера изливания Суджама. И повторила тише, глядя на него в упор: – Ладно. Я поняла. И я тебе это ещё припомню, помело ты языкатое. Пойду принесу Кристалл, если вспомню, куда его засунула.

Развернулась и ушла вглубь дома. Слышно было, как стук-

нула дверь, потом всё затихло, и в кухне повисла неловкая тишина.

От печи обернулась старшая эльфийка и с улыбкой посмотрела на гостей:

– Может быть, квасу?

Как только Алера прикрыла за собой дверь каморки, на одной из полок вспыхнул свечной огонёк, шустрая тень размером с небольшую кошку метнулась на стол, оттуда запрыгнула на плечо девушки, подбежавшей к столу на цыпочках.

– Ах он негодский гном! – зашлась тень негодующим шёпотом. – Как же у него ноги не отсохли привести в честный дом некроманта Божине противного...

– Тише, Истри, – Алера быстро перебирала тонкие резцы в одной из коробок.

Где хранится её единственный десятигранник, она, разумеется, прекрасно знала. Коробочка с Кристаллом уже лежала на столешнице.

– Дай ещё света.

Шустрая тень метнулась на другую полку, затеплила огонёк в большой лампе. Теперь можно было хорошо разглядеть хатника: покрытое шёрсткой тело, безволосое лицо, похожее на человеческое, только с круглыми собачьими глазами. На ногах у Истри были тряпочные тапочки с завязками вокруг щиколоток.

– Иди сюда, – Алера быстро заплела волосы в короткую косу, чтобы не лезли в глаза. Кристалл лежал на столе – тёмно-зелёный с бурыми прожилками, в руках девушка держала тончайший резак.

– Ох ты ж моё дитё отчаянное! – тихо-тихо запричитал хатник. – Как же ж ты такое удумала! Тебе ли Кристаллы портить! Как же ж на такое моченьки твоей хватит?

– Истри, прекрати, – лицо Алеры на вздох сморщилось, словно вот-вот хлынул слёзы, – и так паршиво. Мне ногу себе проткнуть проще, чем Кристалл, ещё и ты... тошнишь под руку! Держи лучше! Двумя руками держи и голову наклони, свет закрываешь!

Тончайший резак несколько раз аккуратно, очень точно прошёлся по самой тонкой и глубокой прожилке Кристалла – прямо над сердцевинкой.

Алера медленно выдохнула и сжала в ладони камень, большим пальцем поглаживая нанесённую ему рану.

– Я это Суджаму припомню. Я этой паскуде языкатой...

Стиснула зубы, раскрыла ладонь, взгляделась в Кристалл. Если не знать, куда смотреть, прокол совсем незаметен и слишком тонок, чтобы нащупать его. Во всяком случае, очень не сразу. Всё-таки она перевернула Кристалл неповреждённой стороной вверх, ещё раз выругалась в адрес кузнеца и вышла из каморки.

Алера вернулась в кухню, когда некромант допивал вторую кружку кваса, а Судждам громогласно рассказывал всем,

как тяжела и неказиста его жизнь теперь, когда он остался без помощника. Кузнеца как будто совсем не смущало, что он рассказывает всё это тётке, брату и другу Раня, который перестал быть его помощником, потому что погиб. Но почему-то Суджама никто не бил и даже не одёргивал, а слушали его излияния так же спокойно, как любую другую кузнеческую болтовню.

– Вот, – Алера протянула на ладони десятигранный Кристалл: тёмно-прозрачный, зелено-коричневатый камешек размером с фалангу большого пальца. – Проверь. Двадцать серебрушек.

Некромант несколько вздохов стоял, глядя на Кристалл, как на давно потерянного и вновь обретённого сына, потом очень осторожно протянул руку, сомкнул пальцы на прохладном гладком камешке. Руки у него были тёплыми – Алера была уверена, что они должны оказаться ледяными.

Как у некроманта могут быть тёплые руки, ну в самом-то деле?

Некоторое время он стоял, словно прислушиваясь к чему-то, наклонял голову, прищуривался, глядя вникуда, а все молчали, напряжённо наблюдая за ним, даже Суджам не издавал ни звука. Наконец некромант обескураженно покачал головой:

– Ничего не чувствую. Ты уверена, что с ним всё в порядке?

Алера посмотрела на него, как на рехнутого, и постара-

лась сделать как можно более честные глаза.

– Откуда мне знать-то? Я же не маг.

Борода Суджама колыхнулась: кузнец поджал губы, что-то заподозрив. Кристальный мастер ощущает силу не магии, но самого камня, даже вот он сам, кузнец, не Божиня ведь какой специалист по сведению Кристаллов – и тот всегда знает, есть ли в камне сила, и вовсе не так должна была ответить на этот вопрос Алера. Но кузнецу хватило ума смолчать. Он был, возможно, чрезмерно болтлив, но не туп.

– Ничего, – печально повторил некромант. – Ну что же... Я могу забрать его хотя бы для изучения?

Алера пожала плечами. Некромант полез за колешем, де-вушка замотала головой:

– Он ничего не стоит, если не работает. Забирай так.

Некромант, склонив голову, посмотрел на неё пытливо, она встретила его взгляд спокойно и безмятежно, и он удивился, что совсем недавно ему казалось, будто от взгляда Алеры в голове его мешают ложкой. Кивнул ей, потом – всем остальным, неловко пробормотал слова прощания и вышел. Суджам поспешил следом, мимолётно погрозив Алере кулаком. Она в ответ показала что-то на пальцах, развернувшись так, чтобы дед не видел.

Когда за кузнецом закрылась дверь, безмятежное выражение лица Алеры растеклось, как подогретый мёд и переплавилось в маску величайшей скорби.

– Не надо, – она подняла ладонь навстречу шагнувшему к

ней Тахару. – Не надо ничего говорить. И отстаньте от меня немедленно, пожалуйста. Хотя бы до завтра.

Ни на кого не глядя, она вышла из кухни и ушла наверх по лестнице в свою комнату.

Глава 1

Погреб Орим выстроил на песчанике за домом лет тридцать назад, и пользовались им до сих пор исправно. Укладывали вилки капусты на сплетенные из лозы полки, ссыпали морковь пополам с песком в грубые деревянные ящики, бережно укладывали картофель и редьку в закрома.

А на крышке погреба любила сидеть, встречая утро, Алера – если, конечно, просыпалась в такое время, когда еще было что встречать.

Теплое козье молоко вкусно плескалось в кружке, только что вытасченный из печи калач одуряющее пах сдобой и медом, а солнце – оно было еще теплым. Осень всё мялась за воротами Лирмы, не решаясь войти, засылала своих вестников: прохладный ветерок, сонных кусачих мух, летучую паутинку, такую тонкую, что только по редкому блеску и разглядишь её в воздухе.

Алера дожевала калач, щурясь на золотистое солнце, обхватила ладонями кружку. Хорошо бы осень так и не решилась пройти в посёлок, и здесь, дома, навсегда осталось лето. Чтоб дни были долгими и теплыми, и не пришли унылые серые дожди, и колкие холода не сумели смыть память о сочной зелени и ярко-синем небе.

Чтобы осень не развела по углам и не заставила сонно змуриться в раннюю тьму в ожидании нового тепла. Чтоб

зимняя стужа не принудила забыть, сколько дорог лежит перед тобой – если только на улице долгие жаркие дни, если метель не воеет угрожающе за окнами, заставляя жаться поближе к печке и гадая: не приснилось ли тебе лето? Его тепло, бесшабашная свобода и сознание того, что возможно всё, ну или очень-очень многое – только решишь сделать шаг.

Об этом нельзя забывать. Никогда. Никому. И поэтому...

– Лето должно быть вечным, – тихонько пожелала Алера, подставляя лицо еще жарким солнечным лучам, которые даже сквозь закрытые веки светили ярко-ярко.

– А еще молодость. И деньги.

Алера чуть вздрогнула от неожиданности, но глаз не открыла. Подвинулась на крышке погреба – больше для порядка, из вежливости: большая она, эта крышка, места хватит.

Элай сел рядом и беззастенчиво забрал кружку у Алеры. Алера для разнообразия не лягнулась в ответ и не дёрнула эльфа за ухо.

– Зачем тебе вечное лето? – спросил он, в два глотка допивая молоко.

Алера придвинулась к Элаю, чуть развернулась, подтягивая ноги, оперлась о его бок спиной и мотнула подбородком – на весь мир разом.

– За всем за этим.

– Чем осень хуже? – Элай поерзал, усаживаясь поудобней.

Алера выпрямилась, и эльф, только нашедший точку опоры, чуть не грохнулся навзничь.

– Ты что?! Это же осень! Она холодная, мокрая и мерзкая! А за ней зима придет, она еще хуже!

– Осень красивая, яркая. И зима красивая. По-своему.

– Они мертвые! – припечатала Алера.

Элай пожал плечами: мертвые – значит, мертвые, что толку спорить с тобой?

Алера вздохнула.

– Осенью мы почти ничего делать не сможем. Вот только стоит дождям зарядить – все, считай, сели на лавки аж до тепла. И чего хорошего, а?

– А плохого что? – снова пожал плечами Элай. – Светает поздно, темнеет рано, можно спать... Спать и спать...

– Спать и есть, – передразнила Алера. – Два дня кряду, три, десяток, сотню!

– Здорово, правда?

– Тебе нужно было котом уродиться. Спал бы на печи и в ус не дул.

Элай почесал нос.

– Это у хороших хозяев. А плохие б заставляли мышей ловить.

Некоторое время они молчали. Алера жмурилась на солнце, Элай выбирал из зеленой еще травы пожелтевшие листья, которые успели налететь со старой, непонятно что делающей в саду березки. Наверное, давным-давно Орим просто пожалел пилить редкое деревце, каким-то чудом проклюнувшееся в царстве ягод и фруктов.

– Смотри, Аль, с макушки желтеет, весна будет ранняя, – заметил эльф, мимолетно оглядев дерево.

Алера открыла один глаз, поглядела на березу неодобрительно: желтеет она, тоже еще.

– Что мы будем делать осенью? И зимой?

– То же, что всегда делали.

– Мы никуда не сможем ходить...

– Сможем. Просто нам будет лень.

– Да и некуда почти будет. И дальше Лирмы не выйти.

– Тебя с каких пор это беспокоит вообще?

Алера замолчала. Нет смысла жаловаться эльфу на уходящее лето. Как и на что бы то ни было иное.

– И в Мирах будет зима, – все-таки добавила она просто потому, что сегодня совершенно не способна была страдать молча. – А мне теперь нужно очень много утешительных Кристаллов.

– У тебя полная каморка Кристаллов, – эльф взъерошил Алере волосы, – ты можешь насыпать их полный таз и утешительно плавать в нём.

– И мы всё ещё не придумали, как перебраться через мирские горы!

– Ну, вот и будет куча времени на придумки, – беспечно отозвался эльф и вытянул босые ноги, зарылся ступнями в суховатую, жесткую уже траву. – Если тебя совсем тоска заберет, так ты скоротаешь зиму, прорубая сквозной ход в горах. А пока можешь потратить время на что-нибудь другое.

– К примеру?

– К примеру, Шисенна тебя искала.

Алера помялась: совсем ей не хотелось уходить из желтеющего сада и прозрачно-солнечного утра, от теплого бока Элая и той особенной ворчливой теплоты, которая появлялась теперь в его голосе, если они оставались наедине. Алере все время казалось, что она вот-вот скажет или сделает какую-нибудь глупость, которая эту теплоту спугнет.

Но раз Шисенна ее искала, значит... значит, её в очередной раз допекло.

Сердито засопев, Алера все-таки поднялась на ноги, отряхнула штаны, перекинула на спину растрепанные волосы и порядка ради спросила Элая:

– Пойдешь со мной?

Эльф мотнул головой, да иного Алера и не ждала: в дом, где он вырос, и где теперь жила Шисенна, Элай после возвращения из Тамбо зашел лишь один раз. Чтобы собрать вещи и уйти, не оглянувшись.

Во время давешнего путешествия Тахар всё подшучивал над друзьями: дескать, вернутся домой и застанут там целый выводок маленьких эльфов – никто всерьёз не думал, что Анаэн в самом деле переедет в дом Орима во время их отсутствия. Но она переехала.

Не то чтобы Алера возражала: тётка Элая с детства была и ей вроде родственницы, да и сама Алера в немалой степени

способствовала её сближению с дедом... но получилось, что вернулась она в какой-то другой дом, уже не очень свой. На задумчивый взгляд внучки Орим смущенно развел руками и сбивчиво заговорил про годы, которые идут, и про вдовство, которое дело давнее, и про женскую руку в доме, и еще про всякое такое, ожидаемое и оттого неловкое. Алере хватило ума и почтительности, чтобы смолчать, да и невозможно было возражать человеку, у которого так сияют глаза.

А кто от счастья не светился, так это хатник, Истри. Прежде ни одно сколько-нибудь важное событие не обходилось без него, теперь же он нечасто показывался на глаза, а при Анаэн – и вовсе никогда, и в целом стал мрачнее и молчаливее. С кухонных полок Истри перебрался в каморку Алеры, устроил себе там гнездышко из старых шапок и проводил большую часть времени, дремая или мастера обережных куколок, разделочные досочки и другие мелочи. Истри, забившийся в каморку, расстраивал Алеру, да и Орима расстраивал тоже, но сам хатник на попытки его растормошить только отмахивался и говорил, что старый он стал уже и только рад, что есть кому взять на себя заботу о его семействе.

Анаэн ощущала перед Алерой неловкость: вселилась в дом в ее отсутствие, словно нарочно подгадав такое время, втихушку. Пусть Алера уже не очень нуждалась в каком-то там внимании и тем более присмотре и, конечно, она была молчаливо рада, что теперь есть кому заниматься домом – по

доброй воле и бесплатно (впрочем, Шисенне, Алера все равно продолжала приплачивать за помощь, чтобы не чувствовать себя хрюшкой перед Анаэн)... Но всё равно дом стал теперь другим, и дедушка стал другим – да, не хуже, а очень даже лучше прежнего, но всё равно.

Перед Элаем Анаэн никакой неловкости не ощущала: по эльфийским меркам он уже года два как должен был считаться полностью самостоятельным, а на деле, кажется, и во все никогда особенно не нуждался во внимании и хлопотах, даже во времена своего беззубого младенчества. Однако Орим предложил Элаю переехать в свой дом следом за теткой, и Элай, пожав плечами, собрал вещи и действительно переехал. Зачем оставаться одному в опустевшем доме и одинолично возиться с уборкой? На подобную дурь, как заявил Элай, во всем Идорисе только Тахар и способен.

Анаэн, хотя и знала, что Элай не пропадёт, вздохнула с облегчением, когда он вновь оказался у нее под боком. Алера сильно подозревала, что Анаэн на самом деле беспокоилась не об Элае, а о доме.

С куда большей охотой Анаэн месяц назад доверила родные стены Шисенне, когда та осталась без крыши над головой. Молодая эльфийка встала перед выбором: или переселиться в одну из общинных изб, где обитают лентяи и обездоленные всех сортов, или проситься к кому-нибудь из знакомых. Те бы, конечно, не отказали предоставить Шисенне кров, но с радостью ли и надолго ли?

Тут-то Анаэн и решила вопрос, пустив Шисенну жить в пустующий дом. Разумеется, временно, пока он не понадобится кому-нибудь из семейства, но все понимали, что это «временно» может длиться почти бесконечно долго. Все, кроме самой Шисенны, которая все ломала голову над тем, как бы обзавестись собственным жильем, которого у нее никогда не было.

– Ты пойми, Алера, – растолковывала старшая подруга, – у меня же никогда своего дома не было. Росла у отцовской родни, замуж рано вышла, только чтоб от той родни сбежать. Так и у мужа в дому своей не стала, а теперь и вовсе видишь как – взяли и выставили вон, словно мышь из сеней выкинули. Ведь десять лет одним домом прожили! – голос Шисенны звенел возмущением. – Детей ему не родила, видишь ли, сколько они с меня крови выпили из-за этого, сколько попреков и гадостей наслушалась! Ох, Алера, я ведь никогда не была хозяйкой своего дома, крыша над головой всегда была чужая. А как хочется знать, что дом – мой, что никто меня не выставит, что никто не станет поучать, как вести дела и...

Алера сочувственно кивала, хотя разделить чувств подруги не могла. У нее-то собственный дом был всегда, уютный и надежный, неизменный, и мечталось Алере о вещах куда более захватывающих, чем возможность гнуть спину на родном, а не чужом огороде.

Впрочем, впервые задумалась она, если бы этого огорода не было никогда – наверняка другими были бы желания. Как

вообще чувствует мир человек, не имеющий такого места, куда можно вернуться, где ждут, где становится спокойней и легче на душе, какие бы горести ни терзали сердце?

Десять дней назад Шисенна приняла, как ей казалось, замечательное решение: взялась досматривать старенькую бабу Наню, которая обещала оставить названным родственникам свой дом взамен на заботу о ней до самой смерти. Бабке было уже под девяносто, и от неё как раз сбежал очередной названный родственник – третий, четвертый? Сначала каждый брался за дело с душой, движимый состраданием к одинокой старушке пополам с желанием получить в наследство ладный домик и просторное подворье. Через несколько дней от сострадания мало что оставалась, потому как Наня выматывала душу названным родственникам без всякого стеснения, и никто из них долго не выдерживал, заявляя, что это не старуха нуждается в заботе и помощи, а всякий человек, который приближается к ней ближе, чем на полперехода. И, дескать, крови она пьет столько, что для утешения не хватит дома, подворья и сада – размах, мол, у неё на целый хутор, а то и небольшую деревеньку.

Но Шисенна была исполнена решимости.

– Что она опять натворила?

Эльфийка как раз заканчивала мести полы, злобно шворкая метлой по углам. Услыхав голос Алеры, Шисенна отшвырнула метлу, аккуратно оправила складки на легком цветастом платице, вскинула руки, словно призывая Божи-

ню в живовидцы.

Алера несколько вздохов смотрела, как эльфийка потрясает поднятыми ладонями, выпучивая глаза на низенький потолок.

– Шисенна?

– В голове ж не укладывается! – гаркнула эльфийка, резко опуская руки и оборачиваясь.

Маленькая, тонкая, изящная, она вовсе не походила на существо, способное издать подобный рывк, и Алера от удивления попятилась. Шисенна выдохнула и принялась бегать кругами по кухне, сбивчиво выплескивая наболевшее:

– Творога ей... да разве ж я против? Но чтоб полдня сидеть, а потом спохватиться! Компотик смородиновый будешь? Я ж её сразу спросила: что делать-то надо сегодня, а то времени у меня только до заката – ха, только до заката! И мне налей. Так вот – до полудня я к ней пришла и сказала сразу: уходить мне надо будет, говорите сразу, чем помочь сегодня нужно! Ту чашку не бери, она треснутая. А Наня говорит – ничего не надо сегодня, ты посиди только со мной! Ну, сидели, говорили, а как я уходить собралась, так бабка и вспомнила, что сегодня позарез ей творога хочется!

От возмущения Шисенна чуть было не захлебнулась компотиком, и Алере пришлось долго стучать эльфийку по спине.

– Ну и что с творогом-то? Пошла бы к соседям да купила...

– Да она купленное не ест же! – взывала Шисенна. – Кхе! Делать творог надо было, делать! Из молочка, которое прокиснуть еще толком не успело под окошком! Кхе-хе-кх-х, вот же ж. «И ту тряпочку не бери, а вот эту сперва сполосни, да не в той кадушке, а вот в этой! А в той ты тряпочкой воду испортила теперь, так что пойдешь к колодцу за свежей водичкой! А пока молоко в семь крыночек разливай, да не плеском, а по ложечке, да каждую ложку на просвет гляди, нет ли там волоска какого», а то здоровье бабкино бесценное от того волоска испортится навсегда как есть!

– Ох ты, конский хвост...

– И пузо того же коня! До самого вечера готовили молоко, в другую кринку по капле собирали! Посуды изгваздали столько, будто на всю Лирму пирогов наготовили, а не плошку творога для бабки! И хатница эта её, ну хоть бы как-то помогала, так даже не показывается, зараза эдакая! Ох, Наня из меня высосет всю кровь, вот до капли высосет же! Веришь, всю ночь не спала, верчусь и думаю: что она сегодня-то мне учудит, а?

Алера вздохнула. Предоставлялась очередная возможность сказать «Я ж тебе говорила», но таких возможностей она как раз не любила. Ну, говорила, и что?

– Шисенна, ты отказалась бы. К демоновой маме то наследство, а?

Эльфийка сердито отмахнулась.

– Свой дом мне нужен! Свой, понимаешь?

– Нет. Ты живешь одна тут, никто не поучает, никто не лезет. Какая разница, кому этот дом принадлежит, скажи мне?

– Такая! Никто не скажет, что придет в голову Анаэн через год или как жизнь изменится. Может, вдруг возьмет и не захочет, чтоб в ее доме кто-то жил. Или с Оримом у нее не сладится – вот и вернется к себе.

– Да все у них сладилось, не беспокойся!

– А вот Элай если женится – как думаешь, куда он же-ну приведет, в дом твоего деда потащит? Нет! Сюда он ее приведет! И мои глаза им тут ни к чему будут. Нет, Алера, свой дом мне нужен! Где буду спокойна, что никто не выгонит. Чтоб не бояться голову поднять и слово лишнее сказать. Чтоб знать: мое оно. Что ты кривишься, будто тебе чертополох в пятку впился?

– Да так, ничего.

– Охо-хо. Ничего, ну конечно, да. Слушай, Алечка, ты мне прекрати это, понятно? Сколько ты ни делай вид, будто ничего такого, я ж тебя знаю, уж я-то тебя знаю! Только эльфы с человеческими женщинами – они ведь никогда...

– Да что ты в этом понимаешь! – взъерошилась Алера. – Очень даже «когда» эльфы с женщинами, и все очень довольны, потому как... – она пошевелила губами, вспоминая, как говорила плетельщица из маленькой деревеньки: – потому как никаких неожиданностей с эльфами у нас не бывает, вот!

Шисенна всплеснула руками:

– Вы что! Вы что, с ним?..

– Ничего мы не с ним, – отрезала Алера, – и не будем мы с ним. И никуда он не женится, ясно тебе, если только не захочет сесть на лавку и больше никогда в жизни по Мирам не... Словом, бросай ты бабу Наню, Шисенна, никто тебя не выгонит из этого дома. А Наня уже скольких человек довела до того, что у них глаза дергаются, а? Хотя бы один выдержал её дольше, чем полмесяца?

Эльфийка упрямо потрясла головой и уткнулась лбом в сомкнутые ладони.

– Она ж не плохая на самом деле, Алера. Не злая. Просто чувствует, что жизнь от нее уходит, вот и блажит... и блажит, и блажит... убить ее охота временами, веришь?

– А то, – Алера поставила на стол чашку и хотела было что-то добавить, но тут в двери забарабанили, и почти сразу Шисенну едва не протаранил ворвавшийся в дом соседский мальчишка – чумазый, босой, с царапиной через всю щеку.

– Теть Шисен, тебя бабка Наня к себе кличет и помереть обещается! Ругается больно громко, все соседи сбежались, а другие бабки подле нее сидят теперь! Кричит, что нет тебя, негодницы, подле неё в сей тяжкий вздох!

– Раз кричит – значит, не помирает, – невозмутимо решила Алера и поднялась из-за стола. – Кажется, «теть Шисенна», покоя тебе не будет. Видишь, бабка подружек на обед созвала...

– На какой еще обед? – рассеянно спросила эльфийка, на-

брасывая на легкое платье платок и приглаживая волосы перед выходом.

– Который из кровушки твоей, – пояснила Алера и выскочила за двери, пока возмущенная Шисенна не вздумала в сердцах чем-нибудь ее огреть.

За время путешествия в Тамбо Алера привыкла, что друзья всё время рядом, и теперь была очень довольна, что Элай продолжает быть рядом, – пусть его близость частенько вызывала и чувство неловкости. В том числе и поэтому ей вдвойне не хватало после возвращения постоянного присутствия Тахара – ближайшего на свете друга и единственного, кто мог сглаживать неловкость, которая то и дело появлялась между ней и Элаем. Сама по себе появлялась, вдруг, ни с какими внешними событиями не связанная, повисала над головами, давила на уши, словно вода на большой глубине, делала томительно-тяжелыми слова и взгляды, и в такое время обоим мучительно хотелось, чтобы рядом оказался кто-нибудь еще. Кто-нибудь очень близкий, всё понимающий без слов и дурацких вопросов, умеющий разрушать тяжелую тишину.

В один из дней, когда друзья валялись на берегу местной речушки и вроде как ловили рыбу, Алера в очередной раз завела разговор о том, что неплохо было бы и Тахару перебраться в дом Орима: он и Анаэн возражать не будут, а друзьям рядом привычно и удобно.

– Угу, – проворчал тогда Тахар, как раз успевший заглотить переданные Анаэн пироги с капустой. – Кто-о в доме Орима живет? Кто-о в деревянном живет?.. Это мы: добрый дедушка, внучка доброго дедушки, любимая тетушка доброго дедушки и любимый племянник любимой тетушки доброго дедушки. Еще одно слово – и дедушка перестанет быть добрым!

Элай поморщился, но не возразил. Швырнул в воду разваренную перловку, которую захватили на прикорм, улегся в тень ракиты.

Почему-то после возвращения из Тамбо они больше времени стали проводить вне Миров. Раньше сбегали туда при первой возможности, теперь же чаще выбирали укромные места в окрестностях Лирмы.

Едва ли Алера и Элай обратили внимание на то, что охотней стали проводить время в пределах Ортая, едва ли задумались над этим. Вьедливый Тахар – тот, конечно, заметил, но помалкивал, только присматривался к друзьям внимательно и серьёзно. Пугают ли их Миры теперь, когда друзья поняли, сколько неизведанного таится за пределами хоженных мест? Когда они поняли, что запорталья могут быть лишь сенями в настоящий магонов дом, там, за высоченными горами? Или же друзья, увидев, как много интересного есть в родном крае, не спешили убегать через порталы, ожидая, что интересное начнет происходить вокруг?

Что-то поменялось после возвращения домой. Быть мо-

жет, даже не из-за самих Миров и не самого путешествия, а чего-нибудь, осмысленного в нем или услышанного. Вот хотя бы от магистра Дорала. Про Раня и всякое другое.

Они только Ориму и Анаэн рассказали, что Рань жив, от остальных утаили, даже от головы деревни Хобура. И Орим ему ничего не сказал, и Анаэн тоже. И между собой они больше не обсуждали Раня – просто молчаливо оставили за ним право жить свою жизнь по собственным правилам и желаниям, даже если это означает считаться мёртвым. Для друзей, для тётки, для кузнеца Суджамма, у которого Рань трудился подмастерьем, для головы Лирмы Хобура...

Быть может, и не стоило им ездить в Тамбо. Не стоило знать, что друг детства ощущал себя рядом с ними настолько лишним, что предпочёл сбежать в Магическую Школу, заставив всех поверить в собственную смерть. Это знание вынуждало задавать себе очень много неудобных вопросов.

«Ему было трудно с вами. Всегда, и чем старше вы становились – тем ему понятнее было, что вас не четверо, дорогие мои, вас трое и один. Он устал от вашей снисходительности, от ваших ярких талантов, которые могли расцветать самостоятельно. От вашей близости друг к другу. Вы его подавляли, он чувствовал себя лишним и жалким, но у него никого не было, кроме вас!».

– Словом, нет, Аль, у меня не хватит нахальства свалиться на голову Ориму, – отгоняя мысли о Ране, заключил Тахар. – Да и ни к чему это. Хотите быть поближе – перебирайтесь ко

мне, у меня вон целый дом пустым стоит, я только рад буду.

– А как рады будут все вокруг – словами не передать, – с чувством поддакнул Элай.

– Да они всегда зубоскалили и всегда будут, – отмахнулся Тахар.

– Это точно. Но одно дело – когда зубоскалят старухи, у них других радостей в жизни-то нет, они всегда о чем-нибудь визжат у тебя за спиной и показывают вслед всякое разное. Это не важно.

– Важно, что когда ты оборачиваешься – они улыбаются и молчат, – ухмыльнулась Алера.

– Потому как с тобой проще смолчать, чем бодаться, – закатил глаза Тахар.

Подруга скорчила ему рожу.

– Но вот если мы под одну крышу втроем съедемся, не разбавленные дедами и тетками – тут даже Хобур за язык схватится, – покачал головой эльф.

– Зачем за язык хвататься? – не поняла Алера.

– А чтоб мести им сподручней было.

Тахар перевернулся, подкатился поближе к удилищам, глубоко воткнутому в мокрый прибрежный песок, и пристально уставился на сосновые поплавки. Хорошая поклевка могла бы ловко перевести тему разговора, однако поплавки продолжали недвижимо лежать на водной глади, обозначая свое присутствие подвязанными гусяными перьями.

После возвращения друзья повсюду встречали неприяз-

ненные взгляды и поджатые губы старух, сильные шепотки. Временами какая-нибудь бабка в голос начинала говорить о бесстыдных девицах, которые повсюду шатаются с двумя мужчинами, честного люда не таясь и неведомо чем с ними занимаясь днями и ночами. Алера на такое непременно огрызалась, всегда едко, временами злобно, иногда – смешно, и бабки сердились еще больше, и от этого другие односельчане тоже начинали посматривать на друзей косо: чего, мол, баламутите старух, они бы поворчали да унялись, а теперь, разъерепененные, будут цепляться ко всем, кто не вы, срывая свою обиду.

Солнечное пятно, щекотавшее Алере щеку, подползло к глазам. Алера зажмурилась, мотнула головой и перекатилась в тень ракиты, к Элаю, положила ему голову на живот.

Эльф привычно, для порядка, заворчал. Алера привычно не повела и бровью.

– С каких пор тебя заботят сплетни, Элай? – лениво спросила она.

– Не сплетни, – скривился тот. – Меня заботит гомон, который до небес поднимается и бренчит там, и тошнит там, иногда аж на улицу выходить не хочется. А если мы все вместе станем жить... Да каждый встречный будет к нам цепляться и объяснять всякие идиотские вещи, которые объяснять не надо. Каждый забудет, как долго нам торочили, что мы уже взрослые, и будет пытаться нас воспитывать... А я не хочу, чтобы ко мне цеплялись и мешали жить. Не хочу ни-

кому объяснять то, что его не колыхает. И точно так же я не желаю просто слать под бдыщев хвост каждого, кому просто любопытно, потому что слать придется весь поселок, и я не слишком мечтаю знать, удобно ли жить в поселке, где тебя все ненавидят.

– Рано или поздно им надоест, – ровным голосом произнес Тахар. – Или надоест нам...

– ...и мы ясным полднем у общинного колодца устроим непотребства, чтоб хоть не зря шептались, – закончил за него Элай.

Тахар швырнул в эльфа верхушку камыша.

– Так и знал, – вздохнул тот.

– Скорее, наша злыдня допечет-таки какую-нибудь ворчуху до мозговой горячки, и тогда нас всё равно все станут ненавидеть по-серьезному.

Алера фыркнула.

– Что ты фырчишь? – строго спросил Тахар. – Кто тетку Лашу до сердечного припадка довел?

– Придуривалась. С сердечным припадком невозможно так орать.

– А не хамить ты не могла?

– Не могла!

– А баба Фадия?

– Так я молчала.

– А смотрела как?

– Молча!

– Зачем смотрела-то?

– Ну, она ж ко мне обращалась...

– А она Хобуру пожаловалось, что от твоего взгляда нахального у нее язык отсох, и вообще, что глаза у тебя нечеловечьи, и не иначе как в Тамбо тебя мавки покусали.

– А Хобур что?

– Сказал, что в Тамбо маги, а не мавки.

– Ну и чего тебе от меня надо тогда?

– Да ничего. Просто... – Тахар отвернулся. – Знаешь, и правда мне что-то вдруг разонравилось, что оно вот так, с таким всеобщим вниманием к нам и с предубеждением. Тревожно что-то сделалось.

– Ну так сделай этой тревожности подарок: не обращай на неё внимания.

Тахар обернулся к Элаю.

– А я что? – напрягся эльф. – Я тоже довел какую-нибудь тетку до Хобура? Я вообще от них держусь подальше, а если скалюсь на окружающих, так легонько, просто чтоб не слишком окружали. А если кто сам к окнам лезет – так с меня-то какой спрос?

Алера рассмеялась.

В тот вечер при виде белесого нечто, выплясывающего за пленочкой окна, Элай заорал так громко и такое плохое, что в кухню примчались все домочадцы. Само таинственное белесое за окном застыло намертво и принялось издавать квакающие звуки. Когда Элай и Орим выскочили во двор, икаю-

щее оказалось бабой Катией – предводительницей лирмских сплетниц; как объяснила сама баба, нимало не смутившись, она решила «впотьмах пошукать в окошках дырочки и поглядеть, чего там ваши молодые бесстыдники делают, когда без присмотра остаются».

Элай, услышав это, расхохотался, а Орим от такой неприкрытой наглости настолько опешил, что лишь глазами хлопал, баба Катия же сплюнула досадливо и посетовала:

– Сглупила я, ну сглупила ж, надо ведь было в комнаты наверху глядеть, а не по низу шуровать! – и на том скрылась в сумерках, расстроено и горестно причитая, и всем на пол-вздоха даже совестно стало, что бабка ничего интересного не увидела...

Конечно, можно было просто открыть сплетницам «великую тайну», которую они узнали в Тамбо от Дорала: через мирские порталы не могут пройти те, кто познал телесную любовь, и всякая сплетница может видеть: трое друзей продолжают носиться по Мирам, и это может означать лишь одно. Но... с чего им было оправдываться перед какими-то мерзкими ворчухами? Пусть себе думают что хотят!

– А у меня под окнами сирень растет, – заявил вдруг Тахар. – И смородина. И малина еще, немного, но зато черная, колючая, как я не знаю что. Ни одна бабка-ворчуха тишком не подберется, а если подберется – ей, бедолаге, уже не до непотребств будет.

– Да баба Катия и без твоей малины передумала в окна

лазить, – уверила Алера. – Она ж тогда всё завывала, дескать, мы до того ее напугали, что едва пирожков не поели.

– Каких еще пирожков? – удивился Тахар.

– Поминальных, конечно.

Элай махнул рукой:

– Не обращай на него внимания, Аль, он тут просто спятил на жаре, то ему сплетницы не нравятся, то всё равно давайте им подарим еще больше причин языками молоть. И прекрати головой вертеть, дырку мне в пузе провертишь. А Тахар – он просто хочет поселить тебя в доме, чтобы отвести Сарту от готовки: скажет ей, что вот она, женская рука, явилась в дом и стала в нем быть, и тогда Сарта перестанет варить ему супчики из земляных червяков. Просто так отогнать её от печи он не решится никогда, потому изыскивает повод. Очень-очень хитроумно, мой друг! Где только была твоя хитроумность, когда ты нанял орчиху?

– Тахар! – с чувством произнесла Алера. – Моя любовь к вам не простирается до супчиков! Зато в нашем доме еду готовят эльфийки, ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Конечно, Аль. Ты хочешь сказать, что я сегодня должен прийти к вам на обед, и я совсем не возражаю... А все-таки, не нравится мне, что так много к нам стало внимания, стоило нам поездить по родному краю дальше мест, что на слуху. Страшно представить, что будет потом, когда мы пойдем за мирские горы, и позднее, когда вернемся.

– А мы пойдем за горы? – в который раз за последние дни

спросила Алера.

– Я работаю над этим, – последовал неизменный скупой ответ.

Глава 2

Жизнерадостно хрупая яблоком, Тахар промчался по дому, дернул Алеру за одну из прядей, выбившуюся из собранных на затылке волос.

– Где наш ушастый друг?

– Наверху.

– Уже собрался?

– Не имею представления. Пойди и сам погляди.

– Аль?

– Лестница! Прямо! Перед тобой!

Алера отвернулась и с удвоенной яростью принялась обмахивать потолок от паутины, во все стороны полетела пыль, посыпался мелкий мусор, Тахар закашлялся, махнул рукой и ускорился вверх.

В Эллор они теперь ездили вместе. Сперва звали с собой и Алеру, но она уперлась намертво: не поеду ни в какое эльфийское обиталище, и без него в моей жизни есть отвратные вещи. Дружья поначалу всерьез не приняли, а когда поняли, что она в самом деле не поедет с ними – растерялись, не поверили, попробовали настаивать, потом даже немного обиделись и в конце концов поехали без неё.

Первый отказ списали на какую-то блажь «нашей злыдни», не к месту поднявшую голову. Второй – уже на обиду Алеры, потому как дулась она после их возвращения

несколько дней. Словно не звали с собой и не уговаривали ехать, а втихушку сбежали под покровом ночи! Или словно после того, как она решила остаться дома, друзья тоже должны были отменить поездку – хотя Алера знала, что дереву Илфреда еще требуется присутствие Элая, и что не ездить в Эллор он не может.

Время шло, ветки для лука всё не было, и эльф всерьёз нервничал: придёт зима, дорог не станет, что тогда – начинать всё сначала по весне? Так там и времени не останется до праздника Вишни, до соревнования лучников в столице. Не с обычным же луком туда ехать?

С Элая стало бы ещё в конце лета окопаться в Эллоре, прямо под деревом, если бы Старейший не убедил эльфа, что это бесполезно и даже вредно.

И вот теперь друзья должны были снова уехать на несколько дней – уже в третий раз после возвращения из Тамбо, и Алера всё гадала, как Элай поступит, если так и не получит свою ветку до наступления холодов. Наверное, со свойственной ему упёртостью, он попросту переберётся в Эллор на зимовье, да и Тахару вроде ничего не помешает присоединиться. Иногда Алера всерьёз в это верила и молча страдала, забиваясь в свою каморку, а хатник суетился вокруг неё, причитая «Ох, до чего ж грустят эти негодники моё дите!», и бегал на кухню за отваром из смородинового листа...

Эльф и маг с грохотом ссыпались по лестнице, одинаково перехватили котомки, одинаково хмыкнули на раскраснев-

шуюся, мрачную, присыпанную паутиной Алеру, которая их словно и не заметила.

Тахар обнял подругу за плечи и чмокнул в щеку, Элай дернул ее за ухо, а потом они махнули руками, улыбнулись и скрылись за дверью.

Алера сжала в руках метелку, которой обмахивала потолок, сделала несколько медленных глубоких вдохов, уставившись невидящим взглядом в окно и спокойно, старательно сосчитала до десяти. Потом до двадцати. Потом швырнула метелку на пол и рассказала ей всё что думает о зазнавшихся деревьях, их ветвях, бдыщевых хвостах и отвратительных эльфских обиталищах.

В этот раз, оказавшись в Эллоре, Тахар необычно много времени проводил в окрестностях деревни, что-то искал в густой траве, выковыривал из земли, придирчиво рассматривал корешки и листья сорванных растений, бормотал непонятное, что-то подсчитывал на пальцах.

Растения тут были самые обычные, чем они могли так заинтересовать Тахара – Элаю было непонятно. Тем более что в предыдущие приезды в Эллор Тахар вовсе не интересовался местными травами, а вот молодыми эльфийками – напротив, очень даже интересовался, причем с полной взаимностью. К примеру, юная красавица Нивизэн, жившая по соседству с домом, где селились Элай и Тахар, неизменно вертелась поблизости, заглядывала в гости с пирогами и вареньем,

делая вид, будто приходит вовсе не из-за Тахара, а по-соседски навещает чету пожилых эльфов, хозяев дома. Но те лишь посмеивались понимающе: когда Тахара не было в Эллоре, Нивизэн отчего-то не прибегала к соседям каждый день.

Сам Тахар с одинаковым восторгом встречал и её, и любую другую эльфийку, пожелавшую заглянуть на огонек, с утра пораньше и сам уже носился по поселку со счастливой улыбкой и принимал участие во всех дворовых чаепитиях, в которых успевал.

– Делать тебе нечего, – зевал Элай.

Он просыпался поздним утром, когда Тахар уже забывал об утренних пирожках и начинал подумывать об обеде.

– Носишься вокруг эльфиек, как щенок вокруг цыплят. А на чей хвост щенку цыплята?

– Да ни на чей, – отмахивался Тахар. – Просто они же ведь такие... Ну, такие!

Элай фыркал. Тахар удивлялся:

– Вот почему ты сидишь с такой кислой рожей? Тебе не нравятся эльфийки? Ты что, идиот?

– Уймись, – вяло отбивался Элай. – Мельтешишь, как укушенный. Я ж говорю: делать тебе нечего, вот и носишься по округе с высунутым языком, смотреть противно, бэ-э. И зачем я тебя с собой таскаю?

– Это я тебя с собой таскаю, гриб ты плесневелый, тьфу, ведешь себя, как старик какой-то!.. А помнишь ту светло-волосую милаху, которая как тебя видит – так и пытается

плетень собою проломить? Она к нашим соседям ходит по утрам на чай!

– И чего?

– Йал... Йалэ..

– Поперхнулся?

– Йалэтиэнь ее зовут, вот!

– И поэтому я должен сделать что?

– Тьфу на тебя. Вокруг эльфийки, а ты сидишь тут с мятой сонной рожей. Кто ж тебе по душе тогда, а? Орчихи? Гномки?

– Таха-ар!

– Что?

– Иди подонимай кого-нибудь другого, а? Выучи еще пару имен посложнее. Я к дереву езжу, а не к эльфийкам. От дерева толк будет, а от эльфиек – нет, потому что сам знаешь, почему. Какой толк тратить время на то, чего не случится?

– Да ну тебя, честное слово! – сердился Тахар. – С твоим пылом только с деревьями и водиться!

– Давно ли ты сам стал таким пыльным, – фыркал Элай.

Когда восхищаться эльфийками Тахару надоедало, он начинал «донимать» эльфскую Старшую, Имэль, тысячами вопросов про устройство быта эллорцев и обряды исконцев. Старшей льстила дотошная пытливость Тахара, Имэль было приятно, что человек проявляет такой неподдельный интерес к эльфийской истории и обычаям – не в пример тому же Элаю, которого какие-то ветки интересовали куда больше.

Благодаря долгим обстоятельным беседам с Имэль Тахар теперь знал, отчего эллорские эльфы мельче своих оседлых собратьев, как гибко эльфы приспособляются к своему окружению, как они чувствуют магические истечения вокруг себя и отчего никогда не уезжают учиться в магические Школы...

Но в этот приезд Тахар едва удостоил взглядом Нивиэн, не помчался на чай поутру, не допекал Имэль и вообще перестал «носиться, высунув язык» по деревне – у него и впрямь появились дела поважнее. Он с таинственным видом бродил по округе и ковырялся в земле, то и дело сверяясь с потрепанной книжицей, которую таскал под мышкой.

– Это та книжка, что Дефара тебе подсунула? – допытывался Элай. – Это из-за неё ты так озаботился местными травами? И ты веришь этой штуке, ночнице? Поосторожнее с её книжкой, она может тебя укусить!

Но Тахар лишь отмахивался, огрызался с неожиданным для него раздражением и наотрез отказывался что-либо объяснять, так что Элай в конце концов плюнул и отстал.

...Он осторожно провёл пальцами по гладкому, будто полированному бугристому стволу.

– Здравствуй.

Черное дерево зашелестело буро-зелеными листьями. Качнулись прохладные тонкие веточки, пучками растущие на толстых гибких ветвях. Дотронулись до его лица, зарылись в распущенные волосы. Элай зажмурился. Он так и не

привык к обманчиво-неловким движениям тонких ветвей – всё казалось, будто они примутся царапаться и тыкаться в глаза, хотя на самом деле они всегда были очень осторожны.

И еще с закрытыми глазами он лучше видел дерево.

Оно пело, молчаливо и задумчиво. В шелесте листвы, в движениях ветвей, в судорожном напряжении корней, вытягивающих из земли последние живые летние соки, звучала неслышимая постороннему музыка, особенная, немного грустная, изменившаяся с его последнего приезда. Осенняя.

Наверное, для чужака, для не-эльфа дерево вообще ничем не отличалось от других растений, помимо причудливой формы и угольной черноты коры. А Элаю оно позволяло услышать свой голос, оно признавало Элая, ждало его и встречало приветливо, почти игриво – насколько древнее растение вообще способно быть игривым. Но ветки не предлагало.

Чего-то он еще не понял, наверное. Чего-то важного, чтобы дерево окончательно приняло его. Быть может, права Им-эль, быть может, он просто сам по себе – недостаточно такой, какой требуется, недостаточно доверчивый, чувствующий, открытый и всякая прочая ерунда.

Наверное, так и есть, подумал Элай, вслушиваясь в этот шелест, в шорох, в пение, и вдруг в голосе дерева он услышал ту же тоску, которая звучала недавно в голосе Алеры, когда они сидели рядом в желтеющем саду, и, когда он вспомнил Алеру, сами собой сорвались с языка слова:

– Лето должно быть вечным.

Тонкие ветви замерли. Потом нежно взъерошили ему волосы.

В ладонь ткнулась толстая гибкая ветка. Элай, боясь вдохнуть, осторожно провел по ней пальцами. Ветка была непослушная, вредная, холодная. Элай покачал головой. Вторая ветка. Сонная, вялая, равнодушная. Третья. Четвертая. Пятая. Теплая, сильная, звонкая.

– Эта.

Листья зашумели, стали шептаться, возбужденно, воодушевленно.

Элай открыл глаза, отступил на шаг. Дерево пело, танцевало, обещало, смеялось, отворачивалось, уходило, собиралось – всё одновременно и не двигаясь с места, только листья шелестели, словно от сильного ветра, и не в лад с ними суетливо качались тонкие угольные веточки.

У него будет новый лук.

Барбарисовое варенье получилось густым, красно-коричневым, даже на вид сладким. Напивавшиеся медовым настоем ягоды переливались на просвет, красовались тугими блестящими боками.

Алера медленно качнула таз, наблюдая, как густой сироп тяжелой волной переползает на другой край. Сама она варенье варить не умела и пробовала его только в гостях у эльфов или у Тахара – во времена, когда его родители еще не пропа-

ли. Мама Тахара готовила много разных варений – вишневые, абрикосовые, сливовые, яблочные, ежевичные, смешанные – такие густые, что можно было есть их ложкой. Анаэн же, напротив, варила их с целыми ягодами и прозрачно-густым сиропом.

Словом, варенье – это было, по мнению Алеры, не только невозможно вкусно, но и очень уютно, как тепло от печки в холодную зиму, как желтые отблески на потолке. И вот: сегодня в погреб составлены вишневые, яблочные, малиновые варенья, а в тазу остывает багряный барбарисовый сироп, и от всего этого должно становиться светло и спокойно на душе, но на самом деле горло ей грызет щемящее чувство заброшенности, в глазах щиплет, а стоит их закрыть – накатывает ужас, такой детский и глупый, до тошноты. И все эти чувства – они такие большие и страшные, словно на самом деле кругом остались лишь голые камни и затянутые паутиной стены, и совсем не верится, что настоящие не они, а таз пахучего варенья на столе и вычищенный к зиме, посветлевший, свеженький дом. Он был так светел и опрятен, что даже Истри с утра покинул свое гнездо в каморке и пробежался по столу, радостно приговаривая всякие обычные для хатника милые глупости.

Через открытое окно пахло крокусами, и этот осенний запах, смешиваясь со сладким ароматом варенья, тревожил еще сильнее.

Анаэн неслышно вошла, поглядела на Алеру, покачала го-

ловой, но промолчала, отвернулась к печи, загрохотала там чем-то. Алера вздрогнула, оставила в покое таз, села за стол, потеряла лоб. Медово-ягодный сироп растекался ровной ароматной лужей, мягко охватывал бока барбарисин.

Эльфийка задвинула заслонку на печи, подошла к столу, поставила перед Алерой кувшин с мятным отваром и невозмутимо спросила:

– Чем ты так расстроена?

– Я не расстроена, – буркнула Алера. – Я зла. Всегда злюсь, когда они уезжают.

– Зачем ты злишься?

Девушка дернула плечом.

– С тем же успехом можно сердиться на погоду. Ты знаешь, что Элай не может не ездить в Эллор, пока не получит ветку для лука.

– Знаю. Но они могли бы... хотя бы сделать вид, что им не больно-то туда хочется.

Анаэн усмехнулась.

– Так ты злишься, что они уезжают отсюда или что уезжают туда?

Алера пожала плечами, снова взялась качать таз туда-сюда.

– Вы что, поссорились? Они разве не зовут тебя с собой, м?

– В этот раз не звали, – неохотно ответила Алера и оставила варенье в покое, выпрямилась на лавке, взяла кувшин

с отваром. – Они уже поняли, что я туда не поеду.

– А почему не поедешь?

– Потому что я ненавижу Эллор и еженощно мечтаю, чтобы он провалился в какую-нибудь демонову задницу.

Эльфийка закатила глаза и тоже присела за стол. Алера мрачно цедила отвар, и лицо её было столь трагично, словно в чашке плескался смертельный яд.

– Девочка, что происходит на самом-то деле?

– Ничего особенного, Анаэн. Я просто не люблю, когда они уезжают. Они не должны от меня уезжать, ну что тут непонятного? Мне же пусто без них!

– Но с ними ездить не желаешь.

– Не в Эллор.

– И виноваты в этом они?

Алера не ответила. Анаэн покачала головой, взяла кувшин, налила отвара и себе. Заглянула в таз с вареньем.

– И ты, конечно, до полусмерти боишься этих поездок, как будто они могут передумать возвращаться, или как будто там может найтись человек взамен тебя, с которым они дружат с детства, да?

Алера снова промолчала. Эльфийка вздохнула.

– Девочка, на самом-то деле в жизни редко происходят по-настоящему плохие вещи. Все дело в том, как мы смотрим на то, что случается. Понимаешь?

– Понимаю. И что?

В самом деле – что плохого? Ничего. Ну, уехали. Ну,

вернутся. И без них жизнь есть, и люди близкие окружают. Добра желают. А вот, к примеру, от того же Элая доброго слова не дождешься. Сложно вспомнить, когда такое слыжала в последний раз, да и был ли тот раз вообще.

Алера отодвинула чашку, потому что боялась, что швырнет её в стену, а следом швырнет таз с вареньем, а потом – стол, лавку и Анаэн. Весь этот домашний уют и доброе участие она не задумываясь сменила бы на одно присутствие друзей рядом. Даже если б Элай по обыкновению сыпал кол-костями, не закрывая рта.

– Ты просто могла бы дышать поглубже и глядеть на происходящее менее напряженно, вот что.

– Нет, я не могла бы.

– Почему?

– Потому что мне смотрится вот так, Анаэн! Это мои глаза, и они видят именно это! Какой толк торочить себе, будто я смотрю на что-то другое, ты скажи мне! Я вижу вот это – огромную конскую задницу, а вовсе не полянку с розовыми бабочками, ну Анаэн же!

– Ты день за днемрываешь себе сердце, хотя происходит полное ничего, – спокойно заключила эльфийка. – А если будешь так кричать, мне придется засунуть тебя в корыто с успокойными травками, как младенчика, пока ты не пере-баламутила весь дом и ничего не сломала ему или себе.

Алера вспыхнула, опустила взгляд, придвинула чашку.

– Ты ходишь по дому с видом умертвия, у тебя такой

взгляд, словно тебя каждый вздох разрывает на десять маленьких Алер, но ведь ничего, ничего плохого не случилось и не собирается! Что в этом за толк?

– Никакого.

Алера отвернулась к открытому окну, мрачно уставилась на желтеющую траву во дворе.

Клятое время. Все умирает. Высыхает, падает, истлевает, неизбежно и неумолимо, даже если и продержалось сверх меры долго, как лето в этом году. Быть может, так даже хуже – уходить, когда прошли все сроки, когда не осталось внутри ничего живого и сильного, когда ты выжат, высох, обессилен – как эта трава, что вот-вот распластается на земле, отдав неизбежному последние капли жизни.

– Что вам сказал в Тамбо этот маг, Дорал? – вдруг спросила эльфийка.

Алера вздрогнула: голос Анаэн показался ей слишком громким и колючим.

– Он ведь сказал вам что-то не только про Раня, но и про вас?

И как Анаэн умудряется произносить имя Раня таким ровным голосом? Словно она не вырастила их с Элаем, подкидышей, как собственных детей, и словно Рань два месяца назад не сбежал из дома, разыграв собственную смерть. Анаэн, кажется, вовсе не сердилась на него за это и не хотела обломать об него пару хворостин, хотя Рань обошёл с нею совершенно по-скотски. «Нагадил в кормящую руку», –

назвал это Элай, и точнее выразиться было невозможно.

– Дорал сказал, что мы безответственные и он нас не одобряет, – сказала Алера, потому что говорить про Дорала было немного проще, чем думать про Раня. – Поскольку мы носимся по запорталям, как подлетки беспутные, а ведь могли бы вместо этого нарожать кучу детей или хотя бы выкопать общинно-полезную яму. А самый ужасный из нас, конечно, Тахар, потому что всякий маг должен учиться в Школе и потом быть должным ей всю жизнь.

Алера уставилась в окно исподлобья, так хмуро, словно там стоял магистр Дорал и укоризненно вещал свои благоглупости.

– В общем, он не сказал нам ничего нового.

Анаэн поморщилась. Взгляд у неё был рассеянный, словно она спорила с каким-то мыслями внутри своей головы.

– А мне казалось, вы слышали в Тамбо нечто важное, что касается вас.

– Да много чего мы там слышали, – вяло отозвалась Алера.

Почему именно в Тамбо, спрашивается? Мало ли где они могли услышать что-нибудь важное! Анаэн задаёт вопрос так, словно их не месяц дома не было, а от силы полдня, словно кроме Тамбо не было ничего значимого и необычного в пути...

Да и почему бы ей так не считать, если Орима и Анаэн они не посвятили и в десятую долю своих приключений? Конечно-

но же, им не рассказали, как на площади города Мошук Тахару под ноги вывалились мозги гнома из свежераскроенной головы! И как Алеру на тракте держал с ножом у горла разбойник, и как оборотень порвал лошадей, и друзья убежали от него в троллий лес Пизлык и выбрались оттуда только благодаря порталу в междумирье. Кто будет рассказывать такое родному деду или вот тётке? Не говорили им про встречу с ночницей Дефарой («я-не-демон-я-сберегатель»), которая стала им доброй приятельницей, и про смертного карлика из Кали, который ткнул Алере под носдохлую крысу – предвестие гибели.

И про то, как Элай и Алера повадились спать под одним одеялом после Дня Яблока в Неплуже, и про то, как беспокоило это Тахара, а сами они делали вид, что ничего, ну вот совсем особенного не происходит. Они уже несколько лет делали такой вид, и всё с меньшим успехом.

Нет, деду и тётке рассказали только про безобидное. Конечно, бывшего наёмника Орима не провести простыми историями, он понимал, что путь до Тамбо не был пряничным, но в душу он не лез и не пытался выпросить больше, чем внучка желала рассказать. Она поведала про гигантское, до горизонта рыбное озеро Нинг, про необычную стеклянную посуду в Кали, начала было рассказывать про погребальный обряд в Эллоре, но тут Элай и Анаэн дружно шикнули на неё и сделали страшные глаза. Рассказала про то, что во многих местах уже давно нет призорцев: они отчего-то уходят в дри-

адский край Даэли. Рассказала про чудной южный и восточный Ортай, где почти нет порталов в междумирья, про закрытый город магов Тамбо и встречу с магистром Доралом, про своё удивление, когда оказалось, что Рань теперь учится в магической Школе...

– А, ну да, – Алера потёрла лоб. – Дорал рассказал нам кое-что, что касается нас.

Анаэн поставила локти на стол, чуть подалась вперёд, опёршись подбородком о переплетённые пальцы. Алера, опустив взгляд, ковырнула пальцем столешницу.

– Он сказал, что проход в Миры закрывается, когда... – краска медленно наползала на её щёки. – Что порталы в Миры открыты только... тьфу ты, только для тех, кто не познал мужчины или женщины.

Рассердившись на собственное смущение, Алера заставила себя положить руки на стол. Но посмотреть на Анаэн отчего-то было сложно, потому она стала глядеть в окно.

– Поэтому дедушка и Дорал могут просто смириться с нашей бестолковостью: теперь мы точно состаримся все вместе и не будем рожать никаких общинно-полезных детей. Нам без Миров не хочется... как-то.

Анаэн тоже молчала какое-то время, потом ворчливо заметила:

– И теперь тебе кажется, что вы связаны ещё прочнее, а тебя никто-никто не понимает так, как друзья, да? И что это ваше общее решение не должно оставлять места для других

людей рядом с вами и никогда не должно разлучать вас даже на несколько дней.

Алера помотала головой: ничего подобного, дескать. Вышло неубедительно.

– Дорогие тебе люди рядом – это всегда очень важно, но есть кое-что поважнее. – Эльфийка положила руки на стол, внимательно посмотрела на них, медленно пошевелила пальцами. Пальцы были тонкие, с годами чуть-чуть искривившиеся. – Да. В жизни любого человека, сколь бы он ни был открыт другим людям или же закрыт перед ними, у всех есть желание быть кому-то нужным – этого все хотят, поверь мне, даже сухари, подобные Элаю. Каждый должен знать, что он не один в целом мире, ему есть кому довериться, с кем поделиться, у кого совета спросить... даже если думаешь, что ничего ты не спрашиваешь и сам разберёшься во всем. Да и о ком заботиться – тоже.

Алера покосилась на эльфийку, но та на нее не глядела.

– И каждый время от времени остается один или же ощущает себя одиноким. Иногда кажется, словно мир выгорел, опустел, что это бесповоротно и навсегда.

Алера подумала, что, пожалуй, сей вздох она все-таки швырнёт таз в стену. Когда Анаэн заговорила, обида на друзей вспыхнула в Алере с новой силой.

– Но именно такие дни пустоты и одиночества – самые важные в жизни человека. Даже когда у него есть очень близкие люди, нет, – *особенно* когда такие люди есть! Только то-

гда ты понимаешь, что не слова и не действия других определяют твою жизнь и даже не твои собственные. А только лишь то, как ты воспринимаешь все вокруг. Твои мысли, слова, чаяния и поступки – они идут от этих восприятий и более ни от чего, это из них мы вяжем действительность вокруг себя, как паучки – свои паутинки. У каждого из нас – своя паутинка, и самое важное – оно в тебе. Это важно не только для тебя, это определяет и другое – кто ты для близких людей. И если ты попробуешь подняться над той бурей, что ревёт внутри тебя, то увидишь мир вокруг немного иным и поймешь о нем действительно важные вещи и вслед за этим станешь чуточку спокойней и мудрее.

Алера поднялась, пригладила волосы, заставляя себя двигаться медленно. Ей казалось, что одно резкое движение – и внутри неё сорвется та хлипкая преграда, которая мешает заорать в голос.

– Ты права, наверное, Анаэн. Просто я не хочу быть спокойней и мудрее. И я не хочу, чтобы было правильно. Я хочу, чтобы было хорошо. Не убеждать себя в этом, не заставлять себя поверить, а просто знать. И мне плевать, насколько это возвышенно и разумно.

Анаэн поджала губы.

– Пожалуй, больше толку было бы искупать тебя в успокоительных травках, чем затевать сложные беседы.

– Быть может. Еще я хотела сказать тебе «Спасибо», но теперь почти передумала.

– Ах вот как! Значит, тебе все-таки стало легче? Хотя бы чуточку?

– Нет. Но все равно спасибо.

Шисенна грохнула на стол стопку мисок, которые как раз закончила ополаскивать, вытерла мокрые руки и уселась на лавку, сложив локти на столешницу. Глаза у нее были красными, лицо бледным.

Алера сочувственно засопела.

– Не могу, – всхлипнула Шисенна. – Не могу! Она мне сегодня заявила, что раз у меня ни семьи нет, ни детей, то я должна сидеть с ней рядом целыми днями. Нет, ты представляешь?

Алера кивнула. Что ж тут не представлять-то.

– И ворчала еще, что спешу я вечно. Спешу, ха-ха! Да я по полдня у нее просиживаю! Мало ей! – эльфийка шмыгнула носом. – Сегодня приводила ей дом в порядок перед зимой, потолок обметала... ну и грохнулась с лавки. Видишь, нога опухла? Это я еще мазь из златочника накладывала под повязку. Так Наня еще и накричала на меня, дескать, грохнулась, потому как торопилась обмести поскорей, сама виновата... Нет сил моих!

Алера вздохнула, перекладывая так и сяк вымытые ложки на столе.

Она с самого детства знала бабу Наню, помнила ее еще радушной, привечающей деревенскую детвору пирогами и с

удовольствием принимающей помощь по уходу за скромным хозяйством. Самой-то уже не облазить потаенные местечки на участке, чтоб собрать яички, снесенные курами сегодня. А дети легко шныряли под крыльцо, шуровали под насестами и доставали яйца даже из будки огоромадины Айды – будку Наня называла «кублом» и не давала убирать со двора, хотя душа Айды уже давным-давно отошла на неведомые дороги, куда отлетают все собачьи души. А память об огромной лохматой зверюге в детских умах осталась навсегда.

Тогда у Нани в доме всегда пахло дрожжевым тестом и тыквой, а иногда – ягодами или свежим молоком.

Грустно и странно было понимать, что вот эта самая бабка, любимица деревенской детворы, с годами превратилась в обычную ворчуху и даже еще хуже.

– Как жаль, что некому вразумить ее, – вздохнула Алера. – Ну хоть капельку. Чтоб немножечко спокойней и добрей стала. Она ведь в самом деле не злая, ты верно говорила, просто характер к старости у неё испортился, и еще скучно ей. И страшно, наверное. Вот она и пьет кровь из тех, кто рядом. И некому её осадить, потому что все или разбежались от нее, или боятся. А даже если бы кто и сказал – она ж ведь не слушает.

– Не слушает. Кого она слушала вообще когда-либо? Даже муж у нее по нитке ходил!

– Тетку свою слушала, наверное. Портретик угольный у нее висел на стене, я помню, и рассказывала она про нее мно-

го, что тетка ей как мать была, что вырастила её и какое-то такое.

– Да, портретик и теперь висит, – рассеянно подтвердила Шисенна и, морщась, принялась растирать опухшую ногу. – А что у тебя глаза так загорелись, Алечка?

Алера прокралась в дом на рассвете.

Гудели ноги: набегалась по селу в потемках. Ныла поясница: насиделась, скрючившись, за общинным колодцем, пока этот бдыщев пьяница-пекарь, неожиданно вывалившийся из дома вдовы Марянки, дополз наконец до своей избы. И еще было холодно: полотняная накидка, конечно, плотная, но на голое тело, да по осенней ночи...

К тому же пришлось вылить на себя ведро воды из бочки у дома: очень уж чумазой стала Алера от всей этой уличной грязи, поленничных щепок и паутины, просто чувствовала, как облепили ее пыль и мелкий мусор. А водичка в бочке, простоявшей полночи во дворе, оказалась почти ледяной.

Уставшая, замерзшая, кое-как обтершая воду той же накидкой, Алера осторожно заползала на второй этаж по лестнице, каждая ступень которой, словно менестрель, начинала исполнять свою мелодию, стоило ее коснуться. Медленно поставить ногу на ступеньку, медленно перенести на нее вес, вздрогнуть от шороха, поставить ногу на следующую ступеньку и так подниматься бесконечно долго, околевая в мокрой накидке на голое тело. Мечтать о том, чтобы поско-

рей добраться до постели, нырнуть под одеяло и проспать до полудня. Отличное завершение дня!

В первый раз Алера порадовалась, что Истри перебрался в каморку: от хатника было бы не укрыться теперь, если бы он остался на своем прежнем месте, в кухне!

Алера уже кралась по коридору второго этажа, когда из комнаты Орима и Анаэн донесся стук и шорох.

Она замерла, вжавшись спиной в дверь комнаты Элая. Что сказать деду или тетушке, если те вдруг появятся в коридоре и увидят ее, мокрую, бледную, встрепанную и в целом выглядящую так, словно... ну, словно прикидывалась призраком?

Какое-то время было тихо, потом раздались шаги, и Алера нырнула в комнату Элая, притворила дверь, сползла вдоль нее, обхватила руками колени и застучала зубами. Ну точно, насморка не миновать.

Она прислушивалась, ожидая скрипа, шагов, голосов, но в коридоре было тихо: то ли Анаэн спустилась вниз, то ли вернулась в постель, то ли вообще почудился ей этот шорох и эти шаги. Выйти? Или не выйти? Наверное, всё это послышалось-таки от усталости и страха быть пойманной: кому бы пришлось бы в голову ходить по коридору среди ночи?

– Ты что там клыками клацаешь?

Алера отшатнулась и приложилась об дверь затылком.

– Элай! Вы вернулись?

– Если сама видишь – на кой спрашиваешь? – Эльф сел в

постели, потер лицо, пригляделся к Алере, едва различимой в ночной серости. – Ты что такое устроила? Что это за тряпка на тебе? Трясешься чего?

– Холодно.

Элай цокнул языком, похлопал ладонью по кровати, и Алера ужом прошмыгнула в теплую постель, по дороге скинув с плеч накидку. Завернулась в одеяло, прижалась к Элаю, млея одновременно от тепла и оттого, что друзья вернулись домой, и все теперь снова пойдет как прежде... По крайней мере, до следующего их отъезда.

Эльф обхватил Алеру за плечи, хмыкнул, ущипнул за бок, и она очень вовремя сообразила, что кроме несчастной накидки, валяющейся теперь на полу, на ней ничего не было, когда она вваливалась в комнату.

Элай тоже на одетого не походил. Нигде.

Алера, затаив дыхание, быстренько прикидывала, как бы половчее теперь вылететь из-под одеяла с истошным визгом, по которому всем вокруг станет понятно: она прыгнула в постель к эльфу в первозданной красе исключительно в силу врожденного скудоумия, а вовсе не нарочно. Совершенно растерянная, несколько вздохов она просто хлопала глазами в темноту, а потом визжать и бежать стало уже как-то глупо.

– Ну, допустим, – смирился с ситуацией Элай и ущипнул Алеру за бок еще раз. – Так почему ты в таком виде в такое время бродишь по дому, как призрак в... холстине?

– Потому что я и есть призрак, – помявшись, призналась

она.

– Я вот возьму и ущипну тебя за что-нибудь почувствительнее бока, – пообещал эльф. – Исключительно для проверки сего.

Алера поерзала, устраиваясь в теплом одеяльно-эльфском коконе. Элай сглотнул.

– Все дело в том... – начала девушка.

Когда она закончила рассказ, эльф трясся от смеха, а сама Алера ощущала себя полной дурой.

– Аль, ну зачем так-то, – аж всхлипывал Элай. – Баба Наня ж могла перепугаться до смерти, окочуриться от сердечного припадка, ты хоть думала про это? О-ох, беда с тобой! Хы-ы... Или не испугаться, а запустить призраку скалкой в лоб, а-ха-ха! Или визг поднять, все соседи бы сбежалась... Уф. Ты думаешь, она послушается призрака-то?

Алера не ответила. Затея перестала казаться ей удачной задолго до возвращения домой, а теперь она чувствовала себя еще ужасно глупо и впервые всерьез подумала, что будет, если кто-нибудь об этом узнает.

– Слушай, Аль, а если она догадается? – эхом повторил её мысли Элай – Представляешь, какой вой поднимет на всю Лирму? Ох, печальной ты будешь... Ты почему без одежды?

– Накидка за нее цеплялась, не по-призрачному выглядело!

– Ну так сложила б свои вещи где-нибудь во дворе!

– Не подумала.

– А ты вообще не думала, – усмехнулся эльф, повернул голову, уставился на Алеру. – С тобой всё время так, если вобьешь себе что-нибудь в голову.

Алере показалось, что ее куда-то бултыхнуло с разбега. Элая плохо было видно в темноте, но по блеску глаз было ясно, как день, что взгляд у него наглый и еще насмешливый, и еще пытливый, и теплый, и какой-то еще, она не поняла.

Алера хотела что-то сказать, но слова сделались звоном ушах и улетели, а голова осталась совсем пустой, звонкой и легкой.

И одеяло вдруг сделалось таким жарким, что нагрело весь дом, и от жара в доме закончился воздух.

Почему же вдруг стало так жарко, что не хватает воздуха, ведь совсем недавно она только что не тряслась от холода, прижимаясь к Элаю?

Алера потянулась к нему, а он подался навстречу, и потом оба вообще забыли, что нужно дышать.

На три вдоха. Потом эльф решительно отстранился, перевел дух и дернул её за ухо.

– Спи, – проворчал он. – Призрак в холстине.

– Элай.

– Что?

– Не уходи.

– Да куда я денусь, – буркнул эльф и взъерошил ей волосы.

– Тайоллэ йолэнно, арант'айо к'ерта к'ятта, – старательно

шевелил губами Тахар и бросал в котелок нашинкованные листья.

В Эллор осень приходила позже чем в Лирму, а настоящей зимы там не бывало вообще, потому что забота духов предков и оставшиеся от них реликвии накрывали край исконцев невидимым куполом. Там, в окрестностях деревни с непроизносимым названием, Тахар сумел отыскать сабельник, по всему Ортаю отцветавший после летнего излома.

Кто ж знал, что книгу Дефары нужно было изучать с конца!

Самым простым с виду способом преодолеть мирские горы было парение – поначалу казалось именно так.

Однако быстро выяснилось, что казалось это одному Тахару: Алера и Элай наотрез отказались перемещаться таким образом через высоченные горные вершины, особенно учитывая, что парение без членовредительства удалось Тахару один раз в жизни. Кроме того, запоздало сообразил сам маг, поднять в воздух самого себя он бы точно не смог, потому этот способ решительно не подходил.

Попыток взобраться на вершины при помощи веревок и крюков предпринимать не стали: дети равнинного Орта плохо представляли себе восхождение на гору, а мирские горы – они до того крутые, что влезть по ним сумел бы, наверное, только горный козел (тут Алера задумчиво смотрела на Элая).

– Ваййо хэле, сойо, солло, соот. К’он суул’э, суулхэ.

Вязь в книге наполовину стерлась, чуждая речь читалась с трудом. Не дай Божиня ошибиться! Кто знает, что тогда получится? Верно, в самом светлом случае – ничего... Зелье булькало зелеными пузырями, они лопались, котелок покрывался вонючими потеками чего-то пористого, словно варево было не на травах, а на болотной жиже.

Продолбить тоннель сквозь каменную толщу предлагал разве что Элай в качестве шутки. По крайней мере, друзьям хотелось надеяться, что он шутит.

Так оно и шло: никак. Хороших придумок не появлялось, но все понимали: надежда лишь на Тахара. Либо он сообщит, что тут можно наколдовать, либо через горы не перебраться. Что можно наколдовать в такой ситуации – Тахар не представлял.

Не применять же к друзьям «рогатку», опробованную на кикиморе из Пизлыкского леса!

– К’он-к’яттахэа. К’он-айхомэлларо! – с чувством закончил Тахар. Высунул язык и подвигал им туда-сюда, уверяясь, что тот не связан узлом.

Зелье пыхнуло золотистым и успокоилось.

– Ну, – прошептал Тахар, – если я ухитрился не напортить, всё правильно прочитать и даже не сбиться со счёта при помешивании... А также если это была достаточно безопасная идея – варить зелье по книге тётки с рогами из за-порталья... Да, что может пойти не так? По-моему, всё это очень разумно и безопасно, и теперь у нас есть все шансы

пройти через горы!

Глава 3

Отчего-то самый вероятный поворот событий не пришёл Алере в голову вчера днем.

– И она требует, что я к себе ее жить забирала, ты понимаешь? Либо так, либо чтоб у нее ночевать оставалась. Боятся она, мол, одна ночами. Теперь.

– Гм, – смутилась Алера.

– Нет, я поверить не могу, я просто не могу поверить, что ты меня на такую пакость сумела подбить! – звонко сокрушалась Шисенна. – Чтоб я, взрослая эльфийка из хорошей семьи, согласилась в такой затее участвовать? Да бдыщевы козни мне разум помutilи, не иначе!

– То бдыщи нагадили тебе прямо в голову, – огрызнулась Алера.

Вину-то свою она полностью признавала и, вопи Шисенна не так увлеченно – Алера бы сгрызла себя поедом, но перед лицом яростных обвинений пополам с нежеланием эльфийки разделить ответственность...

Понять ее, конечно, можно: если правда выплывает – получит Шисенна на орехи по полной. Алера-то что, ей интереса бабу пугать не было никакого, кроме обычного баловства, а у эльфийки интерес как раз был, причем самый что ни на есть шкурный.

– Теть Шисенна, тетя Шисенна!

В дом ворвался давешний паренек. Вдобавок к царапине на щеке сегодня у него появилась еще одна, на шее. – Там бабка Наня соседей скликала!

Эльфийка протяжно вздохнула.

– И говорила, что ночью являлась к ней тетка ее покойная и велела добрее с людьми быть, не изводить попусту, так она ночью спервоначалу испугалась и поверила...

Шисенна скрипела зубами.

– ...а потом решила, что то происки демонов, потому как баба Наня и так добра без меры, даже ни от кого не требует огород ей засадить, перебивается чем Божиня послала!

Алера фыркнула, потому как слала Божиня бабке безостановочно: одиноких стариков в Ортае принято дохаживать со всем почетом. Всего соседи притащат, от молочка до пряников медовых. Чего не принесут – на то Хобур монеток даст из общинной мошны, несмотря ни на каких наследников: кормить-то бабку те не станут, и оно понятно, самим не всегда хватает. Кто способен лишний рот содержать, тот к нему в прислуги не идет.

– Ну а потом, – паренек чуть было не захлебнулся от переполнявших его чувств, – взяла да померла!

Шисенна замерла. Алера зажала рот ладонью, чуть было не вскрикнув: «Хорошо, что не ночью при виде призрака!» и немедленно устыдилась этой мысли.

– Так Хобур велел тебя позвать, как ты есть бабы Нани названная родственница, чтоб передать тебе дом и надел перед

тем, как баба Наня на погост отправится! Чтобы, сталбыть, душа ее ушла спокойной, как полагается, что присмотрено будет хозяйство и не придет в затупение... застарение... загрубение?

– Запустение, – подсказала Алера.

Мальчишка поглядел на нее пустыми глазами и вновь повернулся к эльфийке.

– В общем, ты, тетя Шисенн, иди к бабке, а то там Катия уже начинает приговаривать, дескать, не должно тебе участок отдавать, раз нет тебя в опустевшем доме Нани в сей важный вздох.

Эльфийка стояла посреди комнаты ни жива ни мертва, комкая поясок платица.

– Шисенна, – окликнула Алера. – Шисенна?

Та вздрогнула, словно бы очнувшись, со свистом втянула воздух, медленно оправила складки на одежде, выскочила из дома и, сильно припадая на подвернутую ногу, потрусила по улице.

С легкой руки и длинного языка бабы Катии слух о покойнице-тетке, являвшейся бабе Нане незадолго до смерти, разнесся по всей Лирме.

– Вона как, – шептались бабки-ворчухи. – Предупреждать приходила, стало быть. Любила Наню тетка, что уж. И, значит, пришла проститься на сем свете до того, как душеньки встретятся у Божини под порогом...

Алера от таких слов кривилась. Элай покусывал губы, разъезжающиеся в направлении ушей, изо всех сил старался сохранять скорбно-уважительное выражение лица, приличествующее перед ликом смерти. Тахар вообще почти обращал внимания на происходящее, чуть ли не вздохи считая до того, как обряд погребения завершится, и можно будет умчаться в какой-нибудь Мир опробовать сваренное зелье.

Ну вот честное слово, баба Наня будто нарочно померла в самый неподходящий для этого день! Её, как положено, отвезли на ночь в божемольню, а трое друзей помогали эльфийке приводить в порядок дом, как принято перед похоронами; погребение было намечено к полудню следующего дня. Конечно, друзьям вовсе не обязательно было заниматься всей этой вознёй, убирать дом, помогать с готовкой, идти на погост. Но ведь не бросишь Шисенну в такое время! Зелье-то можно опробовать хоть через несколько дней, хоть через год, просто как же пятки свербят теперь, когда нашелся способ!

Шисенна еще не вполне сообразила, что случилось, а ворчухи вовсю точили об нее клыки: дескать, всего-то полмесяца за бабкой ходила, а вот на тебе: получила дом и надел. А мы-то, значит, всю жизнь рядом прожили, десять лет Нане молоко носили крынками, и даже паршивой полоски земли нам не даст никто.

Шептались тихонько, стараясь, чтоб посторонние не слышали. А то Хобур был живо помянул о бескорыстии, уваже-

нии к старикам и сомнительности перевода молочных влияний в земельные. Но до Шисенны шепотки долетали и радости не добавляли. К тому же она терзалась чувством вины за «призрачное» представление. Иди знай, не оно ли стало последним потрясением, которое еще могло перенести старенькое сердце Нани! Может, прожила бы еще пять лет, если б не «явление» тетки! Ну, или год. А с другой стороны...

За год такой жизни Шисенна точно бы Божине душу отдала, так что, может быть, оно и неплохо вышло-то...

Словом, чувства были сложными. Шисенна жалась к Алере, словно разделяя с ней сомнения и вину. Алера тоже ходила пришибленной и в свою очередь жалась к друзьям.

Как-то между делом шла подготовка к похоронам и поминкам. Руки делали все, что требовалось, но голова этого как бы и не замечала, была занята другими мыслями. У каждого было их много и разных.

На погост, как обычно, самые заядлые ворчухи выдвигаться не собирались. Оставались дома, отговаривались кто чем: чрезмерная впечатлительность, прострел в спине, боль в ноге, замоченная стирка – что угодно могло сгодиться.

– Самих, небось, лет по двадцать уже ждут не дождутся на погосте, – ворчала Алера, исступленно вымешивая тесто на поминальные пирожки. – Вот и боятся подходить к нему, прикрываются слабым здоровьем. Если б на самом деле они от волнения мерли на похоронах – это ж как удобно было бы! Одну бабушку понесли хоронить – пяток других сразу там

же прикопали, не возвращаясь!

– Ты что, рехнулась? – Элай выхватил из печи горшок с тушеной капустой, с грохотом поставил его на пол. – Как их прикапывать без ночных молебств?

Алера засопела и снова с яростью набросилась на тесто.

– Да, как же душа? – поднял брови Тахар. Он ловко шинковал лук огромным ножом. – Если человека похоронить сразу, у души ведь не будет времени на просветление, она не достигнет порога Божини, потеряется в Великом Нигде...

– Ой, да хватит уже! – вяло отмахнулась Алера.

После возвращения из Тамбо она долго донимала жреца по поводу разных обрядов погребения в Ортае и в Эллоре, времени отлетания душ и их направления, а жрец поначалу давал ответы уверенно и многословно, но потом, пойманный на противоречиях, смешался и рассердился. Из-за этого у Алеры весьма пошатнулась и без того не Божиня весть какая сильная вера в правильное толкование Преданий жрецами. От этого сделалось неуютно и жутковато, словно между ней, Алерой, и огромной вечностью не осталось совсем ничего понятного. В конце концов она решила считать, что душа все равно полетит к Божине и прекрасно найдет туда дорогу безо всяких жрецов, а все прочее – их собственные глупые придумки, распространяемые лишь для того, чтобы утвердить всех вокруг в мысли о своей значимости. Не зря же повсюду распространены только следоуказательные тексты Преданий, а списки с исходных – попробуй отыщи!

Тахар ссыпал нарубленный лук в миску и прислушался к происходящему во дворе. За дверями шуршало, волновалось, перекрикивалось, но бабу Наню еще не принесли из божемольни на подворье, с которого должен был начинаться последний путь, на погост.

Маг швырнул нож в таз с грязной посудой и вытер руки первой подвернувшейся тряпицей. Когда вся эта возня наконец закончится? Когда можно будет остаться с друзьями втроем, когда грудь перестанет сдавливать это неуместное раздражение, на котором он все чаще ловил себя в последнее время?

Тахару было бы проще перегрызть собственное горло, чем признать, что злится он именно из-за друзей и на них же. С тех пор как Алера и Элай поселились под одной крышей, он чувствовал себя так, словно его вдруг скинули с обоза и оставили на краю дороги дожидаться попутной телеги. Несмотря на то, что съехались-то друзья просто по воле обстоятельств, и несмотря на то, что Тахар сам же отказался от мысли присоединиться к ним. И на то, что понимал: оба остаются его друзьями по-прежнему, ничего не изменилось – в самом деле ничего. Ни между ними тремя, ни между Алерой и Элаем, насколько Тахар мог судить.

Разве что сегодня они оба какие-то чудные... Алера то и дело краснеет, а Элай непривычно задумчив, то и дело улыбается своим мыслям, и улыбка эта – ненормально светлая и теплая. С ума посходили, ну точно!

А что будет зимой, когда они станут проводить вместе меньше времени? Так было всегда, но одно дело – привычно нахохлиться в своем пустом доме, а другое – знать, что друзья сей вздох где-то рядом друг с другом – но не рядом с тобой.

Может, стоило плюнуть на все эти удобства и неудобства да тоже переехать к Ориму, в конце-то концов? Или настоять, чтобы Алера и Элай перебрались к нему? Впрочем, теперь-то что. Обоз уехал, оставив Тахара на обочине – ну, точнее, он сам отказался ехать с обозом.

Вот и дурень, что тут скажешь.

Во дворе зашумело, загомонило, заскрипели ворота: бабу Наню наконец принесли на подворье. Из комнаты выскочила Шисенна, на ходу завязывающая волосы в узел и пытающаяся удержать на ногах сандалии. Те отчего-то все спадали.

В двери заколотили, и эльфийка заметалась еще отчаянней. По обычаю названный наследник должен был произнести ритуальные фразы: дескать, добро, оставленное на этом свете почившим, переходит в надежные руки, в которых будет должным образом присмотрено. Но одна мысль о всеобщем внимании приводила Шисенну в ужас, она и так уже наслушалась гадостей в свой адрес за минувший день.

В обычное время она не боялась ворчух и не терялась перед ними, но в этот раз, чуя за собой вину, цепенела до оторопи, и ведь вокруг гроба собрались все ядовитые старухи до единой, сколько есть их в Лирме. И хромые, и кривые,

и больные, и такие, которых хоть рядом с Наней клади да тащи на погост. И все, конечно, перешептываются недобро, поджидают появления Шисенны на подворье, словно подачи печёного поросенка за праздничным столом.

И эльфийка вдруг осознала, что не может вспомнить положенные фразы, которые повторяла все утро. Все мысли кувырком.

Алера обхватила побелевшую Шисенну за плечи и потащила во двор. Та шла, не сопротивлялась, но ноги переставляла так, будто они были не из костей и плоти, а из крученых тряпочек сделаны. Тахар и Элай с кислыми лицами двинулись следом.

Подворье оказалось заполнено людьми до самого забора, а за ним тоже гомонило и гудело – проводить Наню на погост и впрямь собралась чуть ли не вся Лирма. Почетные места вокруг гроба, конечно, занимали бабки-ворчухи во главе со смурной, поджимающей губы Катией.

Шисенна остановилась перед закрытым гробом, стиснула ладонь Алеры, облизала пересохшие губы, открыла и закрыла рот. Бабки с готовностью заворчали, запереглядывались, переступая с ноги на ногу. У эльфийки все поплыло перед глазами, и она начала крениться набок, но Алера тут же пнула ее в подвернутую давеча лодыжку, коротко и сильно. Руки, впрочем, не отняла.

От боли Шисенна разозлилась, зашипела, сердито зыркнула на старух, и некоторые даже отвели взгляд. Катия скре-

стила руки на груди. Ритуальных слов Шисенна так и не вспомнила, стояла и молчала, и поселяне, прекратив перешептываться, оборачивались к эльфийке, выжидательно поднимали брови, молчаливо спрашивая: может, уже скажешь что положено, да понесем бабуку на погост, или ты хочешь еще постоять?

– К порогу Божини провожая тебя, – процедила Алера сквозь стиснутые зубы.

Шисенна вздрогнула, снова сжала пальцы подруги, расправила плечи.

– К порогу Божини провожая тебя, – послушно повторила она, и дальше слова стали всплывать в памяти сами собой, как нанизанные на нитку бусины: – принимаю во владение тобой нажитое, чтобы сохранить его и уберечь...

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Алера подняла голову и встретила глазами с Верреном, который стоял у самой ограды.

После возвращения из Тамбо Алере не доводилось ни сталкиваться с кем-либо из его шайки, ни слышать чего-либо о них. Разве что... Да-а, точно, Шисенна говорила, что семья Веррена была одной из первых названных родичей Нани. Небось, теперь они на всем теле себе волосы повыдергали от досады!

Ох не повезло дуралею, что тут скажешь: сначала Алера ему горло перерезала за порталом, потом Хобуру стало известно про делишки Верреновой шайки, и все лишились

амулетов для перехода в Миры, а теперь ещё Алера стоит рядом с Шисенной, которая получила то, на что рассчитывала Верренова семья.

Есть от чего прийти в исступление.

Глаза у Веррена и впрямь были бешеные, но можно бы было отчасти понять его, лишь подивившись избыточности таких сильных чувств, если б он смотрел на Шисенну, а не на Алеру. Во взгляде его не было ни досады, ни разочарования – ненависть, яростная, незамутненная, трепещущая.

С некоторым удивлением, словно нечто очень давнее, почти былинное, Алера вспомнила лесной Мир, гудение пчел и ползучие растения на тропях, троих парней у портала. «Выворачивай котомку!» и слепящее солнце, и брызги крови на траве. «А на что вы рассчитывали?» и ярость Хобура, и отнятые у всех троих амулеты для перехода, их позорище на весь поселок. Алеру долго бы возносили до небес после этой истории, если б на следующий день они не уехали в Эллор с «прахом» Раня. За время их поездки восторги поселян утихли. Ярость Веррена – определенно нет. Наверное, ему до сих пор в липких кошмарах приходит тот день.

«Ну надо же, как тебя зацепило, – с удовольствием отметила Алера. – Так тебе и надо, тварюшка гнусная, будешь знать, как затевать грабежи на больших дорогах, ну или на малых, будешь знать, что на силу отыщется другая сила. Твоя вина, бестолочь, как ни крути, твоя. Злишься на меня, что получил отлуп, что попался? Ну злись, злись, смешной ду-

ралей».

От взгляда Веррена делалось не смешно, а зябко, под лопатками щекотали мурашки. Веррен не забыл, он не успокоился, а, кажется, еще больше разозлился за минувшие месяцы. Значит, он не упустит случая поквитаться. Значит, нужно быть настороже и не ходить по поселку без оружия, нравится это там кому-нибудь или нет. А еще лучше – не ходить одной. Прав был тогда Элай, да она сразу поняла, что он прав, но история с Верреном и его друзьями основательно подзабылась после путешествия по Ортаю.

Глупо было думать, что Веррен тоже забыл.

Почему-то после поездки в Тамбо Алере странно было сознавать, что она перерезала кому-то горло. Пусть и за порталом, где нельзя умереть. Может быть потому, что теперь она знала, что это такое: когда клинок у твоего горла и чувство беспомощности перед тем, кто его держит.

Отгоняя это мурашечное воспоминание и отвечая на полный ненависти взгляд Веррена, Алера хмыкнула и согнула руку в понятном жесте. Тахар ткнул подругу в спину: имей совесть, над гробом стоишь! Веррен прищурился, глаз не опустил, продолжал буравить девушку взглядом, который ясно говорил: мое время придет, и я тебе все припомню, не сомневайся!

Шисенна, словно с пергамента читая, без запинки договорила ритуальные фразы, и крепкие молодые парни, оттеснив ворчух, подняли гроб на плечи. Процессия под предво-

дительством Хобура медленно потекла за ворота.

– Я ведь теперь... Да я горы свернуть могу! – Шисенна, прижимая пальцы к щекам, покачивалась на лавке, все еще не верящая, что стала хозяйкой собственного дома. – Чем хочу землю засажу! Какую угодно животину заведу!

– Грифона купи, – пропыхтела Алера. Она лежала животом на столе и дергала окошко в попытках распахнуть створки. Те на все усилия плевать хотели, считая, что раз их не открывали последний десяток лет, то и нужды подобной быть не может.

– На кой хвост мне грифон? – вытаращилась Шисенна. – Корову куплю! Подзаработаю вот денег только... И куплю!

– И саженцев, – буркнула Алера и оставила наконец окно в покое. – И заплатить кому, чтоб землю распахали по весне. Да и зиму прожить еще надо, а потом следующую, а потом опять. По-моему, тебе еще долго не до коровы будет.

– Скоплю, – беспечно махнула рукой эльфийка. – Пусть и не сразу, пусть через три года, пять. Заведу курей вначале, конечно, вот сразу по весне. И уток еще, они пуховые и возиться почти не надо. И собаку, чтоб дом охраняла, и кошку, чтоб мурлычила мне и мышей гоняла. А потом корову. Ну или козу, тоже хорошо.

Алера потеряла переносицу, не ответила. Шисенна плескалась в своем новом независимом качестве, словно дите в летней запруде. Да и пускай. Ответы ей все равно без надобно-

сти, просто слушатель нужен: с ним слова будто становятся уже наполовину свершениями.

Эльфийке предстояло провести первую ночь в теперь уже окончательно своем доме. Шисенна все никак не могла этого осознать, а сна у нее не было ни в одном глазу, несмотря на позднее время и проведенный в суматохе день.

– Я ведь даже замуж теперь могу выйти! – ошеломлённо выдохнула эльфийка.

– Я думала, ты только что оттуда пришла.

– Ах, это. – Шисенна вздернула нос. – Про это я уже была.

Алера улыбнулась.

– Ты не понимаешь, Алечка, да? Я когда замуж шла, у меня глаза не горели! Мне безразлично было, за него выходить или за другого, лишь бы был надежный, серьезный, да человек хороший!

– Так вроде правильно все.

– А вот нет! Неправильно! Прошел десяток лет, пролетел: вроде бы все было, а все же – нет, чего-то не было! Да и с хорошей надежностью оказалось так себе, видишь – выставил меня, просто выставил, у-у, скотина безрогая, даже жаль, что безрогая!

– Я что-то не видела таких людей, которые через десять лет смотрят друг на друга горящими глазами. Так какая разница, горели они в самом начале или нет?

Эльфийка хлопнула ладонью по столу.

– Ну вот я и не смотрела. Что хорошего получилось? Ничегошеньки! Детей не родила, ха! Я-то не родила, так ведь и он не родил! Что же сам себя из дому не выгнал?

Алера только рукой махнула.

– А вот теперь! – воодушевленно продолжала Шисенна. – Теперь-то я смогу выбирать по сердцу. Или не выбирать вообще, просто жить своим домом. Сама себе хозяйка. Ох, Алечка, ты б знала, как я счастлива теперь! Никогда, никогда у меня не было своего дома... И вот он... И хозяйство, и подворье, и никто мне не указ, сама буду всему хозяйка! Из какого колодца воду носить, в какой бок полы мести, чем огород засадить... Ох, да что там, все сама решать буду!

– А на плетне будут в три ряда висеть ворчухи и решать, правильно ли ты метешь, сажаешь и воду носишь.

– Да им быстро надоест, точно тебе говорю, – без всякой, впрочем, уверенности, пробормотала Шисенна.

– Напомню тебе про эти слова ближе к лету, вместе посмеемся, – Алера зевнула и поднялась. – Пойду я домой. Вымоталась – сил нет, ног не чувую. Ждать тебя завтра?

– Непременно, – рассеянно кивнула эльфийка. – Анаэн соления закончить собиралась, займемся с утра.

Алера уже была у двери, когда Шисенна ее окликнула:

– Как думаешь, есть вообще в мире такой способ, чтоб отвести сплетниц от двора?

– Один точно есть! Когда будешь заводить собаку – выбери какую покрупнее и не сажай ее на привязь, чтоб до за-

бора допрыгивала. Авось и сожрет ворчуху-другую.

По ночной улице Алера шла медленно, невидящим взглядом уставившись себе под ноги. В голове продолжали вертеться десятки мыслей, и было непонятно, что с ними делать. Прохладная, зябкая ночь пахла сыростью и противной осенней безнадежностью.

Вот только что собиралась не ходить в одиночестве и безоружной, а теперь что делает?

Но улица была тихой, пустой, сонной. Совершенно безопасной.

С тех пор, как друзья стали ездить вдвоем в Эллор, Алера все пыталась понять, отчего ей так неуютно в их отсутствие, если, права же Анаэн, ничего дурного не происходит. Ну, уехали на несколько дней, что тут страшного? Что такое несколько дней, если знаешь человека почти полжизни? Ведь раньше, еще при Ране, эльфы ездили в Эллор хоть не так часто, но на более долгий срок. Тогда Алера, конечно, тоже скучала, но с ней оставался Тахар – самый близкий из всех троих.

То-то и оно, что всегда с ней рядом обязательно был кто-нибудь из друзей, если не все разом. А теперь, когда Рань ушёл жить свою жизнь, а Тахар уезжает вместе с Элаем, с Алерой не остается никого.

В отсутствие друзей казалось, что теперь их не будет рядом никогда.

«Кажется, я просто не умею жить без них. И это очень даже плохо, потому как они-то могут жить без меня. В Эллоре, к примеру».

Алера пнула подвернувшийся ком земли. При мысли об Эллоре ей хотелось ругаться, топтать ногами и крушить что-нибудь такое, что ломается красиво и громко.

Она остановилась, обнаружив себя перед домом Тахара. Окошки были темными, но друг, наверное, закрыл на ночь ставни, он ложится очень поздно. Зайти или не зайти?

Она ведь уже очень давно не разговаривала с Тахаром – так, как привыкла за все эти годы. Уже и не помнила, когда в последний раз приходила к нему посидеть на шкуре у камина и поговорить – просто так, ни о чем и обо всем. То есть, конечно, и приходила, и сидела, и говорила, но всегда они собирались втроем, всегда рядом был Элай, а одно лишь его присутствие напрочь убивало вероятность душевной беседы. И Алера, оказывается, смертельно соскучилась по этим неспешным беседам с другом, по возможности обсудить происходящее, поспорить над чем-нибудь, взять любую мелочь да повертеть ее так и эдак, строя догадки и предположения, развивая дурацкие идеи, уносясь в рассуждения неведомо куда.

Она просунула руку между досок забора, нашарила крюк и открыла калитку. Прошла по двору, уже протянула руку, чтобы поколотить в двери, но та сама метнулась навстречу, открываясь, и едва не ударила её по пальцам.

В проеме показались Тахар и Уния, дочь местного гончара.

Она была хорошенькая, светловолосая, обычно улыбка и приветливая, но при виде Алеры с её круглого личика смело всякое подобие приязни. Веснушчатое лицо, вообще-то, довольно милое, приобрело такой вид, словно его обладательницу долго и против воли кормили чем-то кислым.

Алера ошарашенно хлопала ресницами: вот чего она не ожидала никак – так это увидеть, как из дома друга в ночь-полночь выходит девица в легкомысленном воздушном платье! Это же почти ночная рубашка! Разве в таком виде ходят по ночам в дом к Тахару, сердито подумала Алера и тут же ответила себе: я – не хожу!

Уния, явно делая над собой усилие, пискнула что-то среднее между «Доброй ночи» и «На кой хвост ты здесь взялась» и растворилась в темноте, одарив Алеру взъерошенным взглядом.

Тахар невозмутимо чмокнул подругу в щеку и посторонился, приглашая в дом.

Алера никак не могла собрать в кучу слова, чтобы задать вопрос: успела подняться наверх, привычно усесться на волчью шкуру, рассеянно подергать из нее немного шерсти, ощущая незнакомое и неприятное колотье в груди: это что, и Уния тут сидеть могла? И дергать шерсть из шкуры и говорить о чем-то? А кочергой в глаз?

Тахар устроился в плетеном кресле у стола. Там горели

тряпицы в плосках с салом, лежали потрепанные книжицы и манускрипты, валялись Карты, чистый пергамент, уголек. Всё как всегда. Алера передернула плечами и спросила насколько умела вежливо:

– Что у тебя с этой девицей?

Тахар смотрел на неё непривычным, раздумчиво-оценивающим взглядом, и от него становилось неловко, словно она сидела тут без одежды или словно правда истыкала Унию ко-чергой.

– Ничего, – ответил наконец Тахар. – У меня с ней полное ничего, Аль.

Алера фыркнула. Конечно, когда у тебя с девушкой происходит ничего – почему бы ей не вываливаться среди ночи из твоего дома полуодетой? Нет, Алера знала, что Тахар, как и она, как и Элай, не пожертвует возможностью ходить по Мирам, ни в коем случае не пожертвует, не теперь, ни в будущем, во всяком случае, не в том будущем, которое можно разглядеть отсюда. Но все-таки...

– Обожаемой бабушке Унии стало плохо, – пояснил маг, – и Уния прибежала ко мне за каплями от сердечной одышки. Они живут через два дома, ты помнишь?

Алера смутилась, кивнула. В самом деле, напридумала ерунды... Не лучше, чем какая-нибудь ворчуха, которая увидела одно, решила другое, а рассказала всему поселку совсем третье. Но почему тогда Уния смотрела так злобно, словно само появление Алеры сделало «полное ничего» еще ниче-

гошнее и полнее, а?

– Впрочем, – добавил Тахар, – обожаемой бабушке Унии с невероятным упорством плохеет по ночам, так что Уния прибегает ко мне уже пятый раз за месяц. Если обожаемая бабушка не прекратит столь неистово хлебать эти капли – её хватит удар.

– Так предупредить ее, бабульку-то! – воскликнула Алера. – Ты чего такой спокойный? Там, может, человек при последнем вздохе, а ты тут над Картами просиживаешь! А если она помрет, так кто виноват будет?

– Да бабулька все знает, Аль. – Тахар махнул рукой. – Она этой хворью мается сколько я помню себя, капли пьет с утра, по пять штук на ложку воды, как положено. Пузырька ей на месяц хватает.

Алера, покусывая губу, смотрела на Тахара. Тот отвернулся и принялся бездумно перекладывать свитки на столе.

– Я сказал: нет у меня с Унией ничего. И ничего не будет. Могло бы, только... ну, пустое все это, ты ж сама понимаешь, Аль, особенно теперь ты прекрасно меня понимаешь, когда у тебя Элай под боком и... Не надо на меня смотреть такими яростными глазами, на меня это не действует, уж прости. Ничего такого в наших жизнях не будет, мы это знаем, а вместо него будет другое – то, что нам важнее и нужнее. Не о чем тут говорить.

Алера кивнула. Еще бы тут не понять, очень даже хорошо она все понимала, и даже не потому что Элай, а потому

что... Все вокруг, вот что. Орим чаще и чаще намекал, что пора брать ответственность в своей жизни не только за себя. Бабки-ворчухи стесывали зубы до самых корешков, осуждая этих ужасных беспутных друзей, которые все никак не вынырнут из своего детства, когда нормальные-то люди в такие годы уже, бывает, свадьбы играют или хотя бы сговариваются на будущее – через год, через два. А трое друзей среди этих ворчаний и шепотков только больше упорствовали в своем нежелании что-то менять или пускать в свою жизнь других людей, сторонних, на самом-то деле, совсем там ненужных.

– Кажется, пора в самом деле в один дом съезжаться, – в сердцах решила Алера. – И вывеску над воротами повесим: обитель разумом прискорбных. Чтоб каждый сразу понимал: да, тут живут больные люди, с ними не стоит спорить, и лекарь бессилён, оставьте их уже в покое, Божини ради...

– Что, Орим ворчит? – понимающе улыбнулся Тахар.

– Ворчи-ит! Не напрямую, а так, недомолвками. Зато беспрерывно. Даже Истри – и тот подбуживает, ты понимаешь, даже он теперь мне как будто не очень родной стал, а какой-то, ну, осуждатор. Каждый лучше меня знает, как мне жить. Каждый хочет вытаскивать на свет Божинин других людей и оценивать их по своим меркам, укладывать на свои весы причины, по которым другие что-то делают или нет. Надоело мне это очень сильно. Хочется уши заткнуть и спрятаться в норку.

– Мой дом – ваша норка, – ответил Тахар с такой серьезностью, что оба расхохотались.

Отсмеявшись, Алера потянулась и поднялась, помотала головой, разминая уставшую шею, закинула волосы за спину.

– Пойду я, пожалуй. Пойду домой и просплю целый день, вот как. А про норки я потом подумаю, и всякие сложности пусть кубарем катятся к хвостатой матери, подпрыгивая по дороге. Знать не хочу ничего, думать ни про что не желаю, да и вообще... Как-нибудь да будет.

– Пройдусь с тобой, – решил Тахар и поднялся из-за стола. – Не понравилось мне, как Веррен на тебя глядел, словно вот-вот сиганет и в глотку вцепится. Не ходи одна, понятно?.. Впрочем, если все получится как надо, здесь ходить нам теперь долго не придется... Потом, потом, все завтра расскажу, не то ты тоже всю ночь спать не сможешь! А тебе нужно поспать, потому как ты на мертвягу похожа, хоть тащи тебя в некромантскую лабораторию: ваше, дескать, от стада отбилась? Загоняла тебя Шисенна, честное слово!

За то короткое время, что Алера просидела у Тахара, на улице похолодало. Теперь уж точно ясно: осень идет, и мертвые листья сухо шуршат у ее подола, нагоняя беспросветную грусть, и воздух становится мерзлым и мертвым, и последняя паутина летит по нему далеко-далеко, словно скорбный вестник, словно магический черный птах.

– Тахар, – Алера подергала его за рукав, – а может, мы просто так привыкли, ну, думать, что мы есть друг для друга

самые главные, и что это навсегда, что никого роднее нам не надо? Вдруг все это рассыплется, разлетится, станет вдруг скучным и ненужным, просто закончится, как вода в кадushке? Ведь зачем-то же прочие люди начинают быть с кем-то другим, когда вырастают, не живут всю жизнь среди друзей, так же? Заводят семьи, ведут хозяйство, растят детей, их же не принуждают, ну, руки-то всяко не выкручивают, так вот и у тебя с Унией могли бы получиться такие миленькие светловолосые детки, то есть не могли бы, конечно, потому что я бы ей раньше голову открутила, но все-таки... Вот откуда мы знаем, что нам никто другой не стал бы ближе, чем мы есть друг для друга?

Тахар долго молчал, словно вовсе не услышал Алеру, шел, не сбавляя шага, по обыкновению сильно размахивая длинными руками. Потом все-таки ответил:

– Знаешь, я думаю, что растить детей, строить дома и всякое такое – это вещи, которые не обязательно делаются с душой, многие люди тащат их по привычке, по необходимости, как лошади везут телегу. Для этого не нужна особая близость между людьми, ну в самом-то деле, людям достаточно быть похожими и не сердить друг друга, знать свой долг, иметь силы следовать ему день за днем – вот и всё. Нет, Аль, это не то, что непременно нужно делать с огоньком, понимаешь? А вот когда люди год за годом, с удовольствием и без всякой на то нужды вместе творят безумную дичь – вот это она и есть, настоящая, до кишок, близость!

Элай поперхнулся, закашлялся, навалился грудью на стол. Тахар несколько раз мощно стукнул его по спине, и эльф еще больше зашелся кашлем, побагровел.

В таверне было пусто – время раннее. Трактирщик зевал со скуки за стойкой, с кухни доносился плеск воды и запах подходившего теста, и никто в пустом зале не мог бы услышать друзей.

В доме Орима с утра стоял дым коромыслом: Шисенна пришла помогать Анаэн, эльфийки спешно мудрили с заготовками, бегали туда-сюда, безостановочно дергали друзей вопросами, грохотали дверями, перекрикивались – словом, спокойно поговорить не было никакой надежды. Даже поддавшийся общей суетливости Истри принялся наводить порядок в каморке Алеры и поднял там пыль столбом.

Словом, друзья сбежали от обезумевших домочадцев в таверну: позавтракать и побеседовать.

– Пере... кхе... прыгнуть! – повторил Элай, отирая слезы. – Перепрыгнуть горы в высоту в... полперехода точно, никак не меньше! Кхе-кх... Тахар, положи руку на эль и скажи честно: ты навсегда рехнулся?

– Ничего иного предложить не могу, – пожал плечами маг и вгрызся в ржаную лепешку. – К тому же мы нишего не потеем, ешли шелье окашется недейштвенным.

– В особенности мы ничего не потеряем, если оно окажется недейственным где-нибудь на половине перепрыга, –

пробормотала Алера в свою кружку, из которой не отпила и глотка.

С утра на улице было уже совсем по-осеннему зябко, и по дороге к трактиру она успела основательно подмерзнуть. Нужно было взять отвара горячего, а не эля за компанию с друзьями. Они дурно на неё влияют, вот что.

Алера поежилась, стиснула кружку в ладонях, словно хотела погреть их. Элай взял с блюда колбаску и разом откусил половину.

– Разумеется, ты блажишь, мой безумный друг. Ничего дурнее и опасней ты б не выдумал, даже если б очень сильно постарался. Это никак нельзя одобрить. Когда начнем и что нам нужно взять с собой?

– Я думаю, то же самое, что вы взяли бы в любое другое путешествие. Кто может сказать точнее, что...

– Эй! – вскинулась Алера. – Элай! Ты сказал, что тебе не нравится затея с зельем!

– Не нравится, – подтвердил эльф. – Она ужасна. Но других у нас нет.

– Но она очень сильно ужасна!

– Ну и ладно, что мы теряем, если попробуем? Не выйдет – овощ с ним, просто все останется так, как есть теперь, не страшнее.

– Какой еще овощ?

– Хрен, конечно же. – Элай дожевал колбаску, оглядел жирные пальцы и потянулся за следующей. – Вопрос в том,

как долго мы собираемся пробыть... Там. Если вдруг все получится, во что я вообще совсем не верю.

– Это будет зависеть от того, что мы там найдем, – Тахар тоже взял колбаску с блюда. – Или чего не найдем. Быть может, спуск с горы охраняется магоновым войском либо особо огромным ящерами, и нам придется спешно драпать обратно, пока нам ноги не отъели. Потому как на перемещение к portalу при помощи амулетов за горами я б не полагался.

Алера потеряла щеки, отодвинула кружку. Что тут скажешь, глас разума снова остался в меньшинстве. Вечно так: она говорит очень дельные, умные вещи, а друзья, как маленькие дети, кидаются в какие-то безумия! Но, конечно, она просто обязана кинуться в безумие вместе с ними, потому как иначе они, пожалуй, уйдут без неё, как уходят в Эл-лор, и еще будут говорить всякую чушь, будто это она сама не захотела отправиться с ними.

Нет уж, пусть даже не мечтают!

– А выдвигаться предлагаю завтра утром, – закончил Тахар, облизывая пальцы.

– Прямо завтра?! – воскликнула Алера, словно не она так часто донимала друга вопросами: когда же да когда.

Но теперь, перед невидимой, открытой нараспашку дверью, стало жутковато. Сразу вспомнились десятки ужасно важных дел, которые никак нельзя бросить тут в одиночестве.

– А чего тянуть? – удивился маг. – Пойдем да посмотрим,

что там да как. Быть может, ничего у нас не выйдет. Мало ли что: зелье не подействует, горы слишком высоки, спуститься по ту сторону нельзя... Быть может, там океан, за горами! Или что-то хищное с вот такими зубами! Мы что, ползем в океан или в зубы? Вовсе нет, мы вернемся назад и к обеду уже дома будем. Или ты хотела чего-то подождать, а?

– Сначала хотела, – буркнула Алера, скукоживаясь на лавке. – Я хотела подождать, когда к вам вернется рассудок, но потом передумала: я же представления не имею, что буду делать с вами нормальными.

– ... и тогда мы сможем пройти через мирские горы и узнать, есть за ними нормальные вагоны, не свихнутые, или нет. Словом, не волнуйся, если нас не будет долго, хорошо?

– Смастерили себе новую игрушку? – вместо ответа спросил Орим.

Алера, вскинув брови, глядела на деда. Лицо у того было совершенно непроницаемым, будто из полена вырезанное.

– Почему игрушку-то?

– А что ж это? – Орим усмехнулся, но во взгляде его плескалась тоска. – Что ни день – то удумаете какое-нибудь... бдыщева мать разберет что. Все бегаєте, все скачете где-то. Все мыслите, какие б еще затеять себе развлечения. Куда только ни лезете. Лишь бы только не...

Алера смотрела исподлобья, молчала. Орим смешался под ее взглядом, двинул челюстью взад-вперед, и гладко вы-

бритый подбородок его сделался очень упрямым.

— Ты понимаешь, что вы не сможете вечно так вот носить-ся? Понимаешь, что жизнь не для того вам дана, чтоб друг на друга ее положить?

— А чтобы положить ее на что? На поле общинное? На дом и дюжину детей?

— А хоть бы на поле и дом!

— А если я не хочу? — голос Алеры зазвенел. — Я должна что-то делать просто потому, что так положено?

— А хоть и потому бы! — выплюнул дед. — Не нами заведе-но, не нам и менять! Что это будет твориться в Ортае, ежели каждый заладится пропадать где ни попадя, а? Ежели каж-дый будет творить все, чего душа изволит?

— Благодать в Ортае твориться будет! — заорала Алера и дернула завязки котомки, едва не оторвав. — Ты сам давно наемничал? Сам давно шатался по землям, ничем не беспо-койный? Чего ты хочешь от меня, чтоб я всё близкое выбро-сила, все нужное, родное, понятное? Взяла то, что мне не на-до, маялась, лишь бы все вокруг заткнулись, наконец? Ежа за шиворот всем вокруг, понятно?!

Орим молчал.

— Никому нет вреда от того, что я живу как есть, — поспо-койней продолжала Алера, сама немного опешившая от сво-ей вспышки: до сих пор ей не доводилось орать на деда. — А если б я начала делать то, чего мне не хочется — вот это был бы вред, для меня, для всех, кто рядом! Ты хочешь, чтобы

мне было плохо, да? Пусть мне будет плохо, лишь бы тебе и всем другим стало хорошо и понятно?

Дед не отвечал.

– Не буду я ничего менять, – припечатала Алера. – Никто из нас не будет. Мы живем, как нам хочется, и общине приносим свою пользу, во всем приносим: на поле работаем, мирские диковины тащим, один лишь Суджам от них сколько денег посёлку привозит из городов! Мы ни на чьеишее не сидим, потому у нас есть право идти, куда хотим. Делать, что считаем правильным. Нам хорошо вместе, даже если всем остальным от этого плохо, мы не будем оглядываться на остальных, мы будем сами ковать свою судьбу, уж какую получится! Вот так вот!

– Кто б у вас молот отобрал, – тяжело уронил дед.

Алера закинула на плечо котомку и отрезала:

– Если думаешь, что на общинном поле или среди дюжины детей кто-то из нас был бы счастливее, то передумай.

– Вы ведете себя, словно дети, – проговорил Орим медленно, подбирая непривычные слова. – Наивные, глупые. Не желающие проститься со своим детством. Думаете, вы не такие, как все вокруг. Думаете, все остальные – не люди, а так, тени на стенах вокруг вас, звуки порожные. Лишь ваши чувства особые, лишь с вами делается что-то настоящее.

– А тебе, конечно, виднее, что у нас настоящее, а что нет, – проворчала внучка. – Быть может, мы не правы. Быть может, нет между нами ничего особого. Возможно, мы и впрямь

просто три идиота, которые шатаются где ни попадя, никак не желая попрощаться с детством, и все прочее. Быть может, это – обман чувств, я не знаю, но просто, Божини ради, оставьте вы, наконец, в покое и нас, и наши обманные чувства!

– Надолго? – сухо спросил Орим. – Еще на месяц? На год? На всю жизнь? Так и будете болтаться, без обязательств, без будущего, без любви?

– Жизнь разная бывает, обязательства – тоже, и не от каждой любви рождаются дети. Любить друзей – ничем не хуже, чем любить... кого-нибудь, от кого могут быть дети.

– Откуда тебе знать? – едко отбрил дед.

Алера помолчала.

– Ниоткуда. Ну и пусть. Пусть это останется нашей любимой сказкой, которую мы будем рассказывать друг другу у костра до глубоких седин.

– Так не бывает, Алера. У каждого человека, ну и эльфа тоже, есть своя половинка.

– Я так гляжу, у многих она даже не одна.

– У каждого из вас – тоже есть, – не поддался на подстрекательство дед. – И хоть рано, хоть поздно...

– Нет у нас никаких половинок, – перебила внучка и развернулась к двери. – Мы все уже полностью целые. Я пойду, меня Тахар ждет.

– А ты понимаешь, что ежели хоть один из вас вдруг решит иначе – эта вольница закончится для всех троих? – бро-

сил Орим ей в спину, и спина одеревенела. – Вот если к одному из вас вдруг возьмет да нагрянет... та самая, от которой дети! Прежде, когда вы были вчетвером, можно было отнять одного и оставить троих – как и случилось, когда вы остались без Раня – и так же без Тахара ничего б у вас не рассыпалось, и без Элая, и даже без тебя. Но теперь, ежели из троих одного забрать – не останется два, останется ничего. Понимаешь это?

Алера, не оборачиваясь, кивнула и толкнула дверь.

– И еще я вижу, как ты на Элая смотришь, – добил дед.

– Тут я тоже все понимаю, – тихо ответила Алера и вышла наконец из комнаты.

Глава 4

Анаэн вышиwała цветы на тонком кожаном лоскуте, натянутом на деревянное пяло.

Орим нечасто заставлял жену за рукоделием: слишком мало времени у нее было на баловство, как она сама его называла. На самом деле, последние семнадцать лет времени было мало на всё.

Сначала двое непоседливых мальчишек требовали постоянного присмотра. Потом эти двое мальчишек вроде как выросли, но хлопот стало, если подумать, даже больше. Затем Анаэн переехала в дом Орима, и, хотя возмужавший «мальчишка» с ней перебрался лишь один, появился сам Орим и его внучка, которая, хотя и прикрывалась помощью Шисены, а забот тоже требовала преизрядно.

Словом, предаться любимому досугу Анаэн могла лишь изредка, зато вышивки у нее получались изумительные. Словно из ниоткуда, безо всякой подсказки появлялись на полотнах пышные растения, диковинные звери, дивные домики из огромных пней. Все это получалось таким красивым, таким живым, что даже чуравшаяся «рюшечек» Але-ра обожала подушки, скатерки, салфетки, которые вышиwała Анаэн.

Орим постоял тихонько в дверях, не решаясь заговорить и нарушить ту одухотворенность, с которой Анаэн колдовала

над кожаным лоскутом. Как будто зашел в каморку к внучке и замер в боязни нарушить ее единение с Кристаллами, подумалось Ориму. Он нахмурился, но тут же улыбнулся благодушно, глядя на Анаэн – и заметил ответную улыбку на склоненном к пялу лице.

– Ты встревожен, – мягко отметила эльфийка.

Она хорошо различала настроения Орима. Когда он переступал с ноги на ногу и сопел, то всегда хотел поговорить о чем-то таком, о чем мужчине тревожиться вроде как не пристало.

– Как вы отпускаете своих детей? – тихо спросил он, медленно подошел и опустился на лавку подле Анаэн. Присел с самого краешка, словно в любой вздох готовый вскочить.

Эльфийка усмехнулась, не поднимая головы.

– Элай забегал попрощаться. Я знаю, что они ушли. Неведомо куда и, быть может, надолго. Что именно тебя тревожит?

Орим глубоко вдохнул, вскинул ладони, засопел, прочистил горло. Выдохнул, не найдя слов. Анаэн покачала головой, склоняясь еще ближе к пялу.

– Ты хочешь знать, как мы их отпускаем? Как должное. Чтобы ребенок понял мир и научился уживаться с ним, пятнадцати лет более чем достаточно, так считают в крае исконцев. После начинается собственная дорога взрослого человека, потому что самым главным вещам нельзя научить, им можно только научиться. Этот путь нелегок, но по нему

нужно идти, нет другого способа понять важность любых решений и бремя ответственности, чем принимая их самостоятельно. Нельзя узнать цену и важность ошибок иначе, чем совершая их, потому исконцы считают, что выросшим детям нужно позволять ошибаться и падать. Больно падать, до крови, до крика, чтобы находить в себе силы вставать, раз за разом вставать, идти дальше. Без этого не бывает взросления. Я, конечно, в отношении своих детей не столь смела, сколь исконцы, но... я стараюсь.

– Как же дать ребенку упасть? – тихо спросил Орим. – Как не протянуть рук, чтоб уберечь его, когда он падает? Как позволить ему ошибаться?

– Когда ребенку один год и он учится ходить – ты подставляешь руки. И он упадет на них десять, двадцать, сотню раз, не узнав, что падать – больно. Только если он начнет падать не в твои руки, а на твердый пол, ощутит боль – только тогда ребенок поймет, что ему вовсе не хочется падений, что нужно глядеть под ноги, а еще он научится подниматься сам. А ты научишься не подставлять руки.

Орим молчал. Анаэн вздохнула.

– Нелегко признать самостоятельным человека, которому семнадцать лет назад менял пеленки. Но это нужно сделать, если ты желаешь ему добра. Ты не можешь ошибаться вместо Алеры, не можешь уберечь её от всех бед, от всех печалей, всех решений. Она понимает все это, пожалуй, получше тебя, и благодари Божию, Орим, что она сама оттал-

кивала твои руки, когда у тебя не доставало решимости их убрать! Во всяком случае, она не выросла избалованной, поверхностной, не умеющей понимать цену... всего.

– Цена всегда должна быть?

– Цена всегда есть. В особенности она есть у тех вещей, стоимость которых не измеряется монетами. Какова цена крыши над головой? Руки, что протянута тебе в трудный вздох? Твоих сил, что дают возможность идти ко всему этому?

– Это не ответ, – Орим стиснул ладони. – Нельзя просто отпустить дитя туда, где не будет ему счастья! Куда рваться смысла-то нет!

– Почему ты знаешь, что есть счастье для другого человека? – лоб Анаэн вспороли две суровые морщины. – С чего ты взял, что твой опыт поможет в жизни другого? Ты знаешь, куда дорога привела тебя, но это была твоя дорога, у тебя был свой груз, свои радости и желания! Другой человек по той же тропе, возможно, пройдёт дальше или вовсе найдёт развилку. А быть может, это и вовсе иная дорога, в которой ты ничего не смыслишь. Почему тебе знать?

– А детям почему знать? Твои исконцы верят, будто дети способны выбирать дороги?

– Дети способны понимать, что это дороги, и дети умеют ходить. А всё остальное придёт к ним с опытом. Если их воспитали должным образом, то дети точно знают хотя бы то, куда они *не хотят* прийти.

Анаэн воткнула иглу в кожаный лоскут, обернулась. Сердитые морщинки на лбу пропали, лицо эльфийки было обычным: добрым и спокойным. Она положила ладонь на плечо Ориму, который сидел, свесив руки на колени и хмуро глядя перед собой.

– Ты ругаешь Алеру, что она не хочет взрослеть, но в то же время сам не желаешь признавать, что она выросла. Она выросла, хочешь ты того или нет, уже несколько лет она не нуждается в опеке. Позволь ей жить своим умом, не навязывай собственный.

– Наживет она, как же, – проворчал Орим.

Анаэн покачала головой.

– Я же говорю, она взрослее, чем ты хочешь видеть. И мудрее, чем сама понимает. Даже когда не сознает, чего хочет... или не хочет.

– Может, оно и так. Только наши дети всегда для нас слишком малы, чтобы мы могли отпустить их... ходить без подставленных рук.

– Ты спросил меня, как исконцы отпускают детей. Значит, ты понимаешь, что пришла тебе пора руки убрать.

– Нет, Анаэн. Не понимаю. Просто вижу, что ей... подставленные руки мешают. И еще понимаю, что Ташую бы мог сохранить, если бы... если бы не так хотел сохранить. Не хочу так же потерять Алеру. Сам уже не знаю, что пытаюсь сказать.

Анаэн улыбнулась, погладила мужа по плечу и снова скло-

нилась над пялом.

– Все дело в том, что мы пытаемся дать своим детям, Орим. Люди желают примерять на них свой опыт, как ношеную рубашку, в которой вырастят потомство лучше, мудрее, добрее, удачливей самих себя... но это не так.

– Разве наш опыт бесполезен?

– Опыт бесценен. Для нас. Но делиться им с другими – это как сеять зерно: оно должно упасть в подготовленную почву; ты можешь горстями бросать зерна в голые камни и не понимать, отчего они не прорастают, – и ты можешь навязывать свои знания человеку, который не хочет, не готов принять их, не дорос до понимания их ценности или живет слишком отлично от тебя, и твой опыт бесполезен для него. – Эльфийка усмехнулась, провела пальцем по только что сделанным стежкам. – Словом, исконцы предпочитают учить детей самостоятельности и терпению, а не смиренному ношению чужих рубашек.

– Отважные они, эти твои исконцы.

– Исконцы отважны лишь оттого, что всегда помнит: они растят детей не для себя, они растят детей для жизни. А в ней ведь не бывает ничего окончательного: за самым полным счастьем, как и за самым чёрным горем придёт другой день, а потом – еще множество дней. Будут другие печали и радости, быть может, сильнее пережитых. Поэтому значение имеет только мужество – чтобы идти дальше. И мудрость – чтобы понимать всё это и не злиться.

Анаэн сделала еще пару стежков и тихо закончила:

– А значит, именно мужество мы в первую очередь обязаны воспитывать в своих детях. А мудрость приходит со временем – когда они учатся подниматься на ноги после любого падения.

Вблизи горы выглядели бесконечно высокими и очень неприветливыми. Зелье на вкус напоминало обыкновеннейший травяной отвар, который пьют при сильном кашле, и в волшебную силу такого питья не верилось совсем.

– Мы должны ощутить какой-нибудь прилив сил? – взволнованно спросила Алера.

Склонив голову, она прислушиваясь к ощущениям, но те ощущались совершенно обычно.

– Я не знаю, – стараясь выглядеть спокойным, Тахар прицепил к поясу флягу с зельем.

– Тогда как мы определим, что оно действует?

– Я думаю, так, – Тахар улыбнулся дрожащими губами и прыгнул.

– Божинин хвост! – воскликнула Алера.

– Да ладно! – с восторгом заорал Элай.

– А-а-а! – махало руками пятно в вышине.

Алера вцепилась в рубашку Элая. Эльф быстренько прикрыл рот, подергал на плечах ремешки котомки, проверяя, хорошо ли она держится.

– Ну что, Аль, готова?

– Нет!

– Всё равно догоняй!

Рубашечная ткань вырвалась из пальцев, полетел вверх вопль восторга и ужаса.

– Я боюсь высоты, – жалобно поделилась с горной грядой Алера. Ей казалось, что гряда слушает сочувственно и даже пытается вздохнуть. – Но это ж не важно, да?

Алера с десятков вздохов ходила у подножья туда-сюда. Грудь сдавливало от ужаса, уши немного закладывало.

– Не важно. Не важно. – Она с силой потёрла уши. – Потому как или я иду... лечу следом, или я иду домой.

Алера зажмурилась, тоже подергала лямки котомки.

– Это значит... У-уф-а-а-а, ну за что-о-о!

Перед глазами мелькало, сердце рухнуло в правую пятку, не поспевая подниматься за телом, в ушах свистело, было трудно вдохнуть. Потом мелькать стало медленней, но от этого сделалось только страшнее, потому как теперь стало ясно: это мельтешение – рисунок скалы, огромной, почти отвесной, совсем не такой, какой должны быть нормальные горы. А под ногами – полное ничего и, если подъем замедлится еще больше... Уши и пальцы сделались ледяными, поток воздуха трепал волосы, они лезли в нос и рот, Алера беспомощно дрыгнула ногами в тщетном поиске опоры и пробовала смотреть вверх, чтобы случайно не глянуть вниз, но солнце и небо оказались очень яркими, и из глаз брызнули слезы. Скальный рисунок стал сменяться еще медленней,

в нем можно стало рассмотреть отдельные трещины, изломы, зализанные ветром сколы, и Алера поняла, что вот-вот перестанет подниматься и начнет падать. Падать наверняка придется долго, ведь этот полёт длится уже целую вечность, но невозможно проверить, где теперь земля: если Алера посмотрит вниз, то умрет от разрыва сердца прямо в воздухе. Она снова дрыгнула ногами, сильнее, и рывком приблизилась в горе. Махнула руками, как птица, нет, как лягушка в толще воды, и сообразила: направлять себя в этом, прости Божиня, полете, так же легко, как плавая в спокойной реке.

Стараясь не думать, где на самом деле находится, уверяя себя, будто продрогший воздух держит ее ничуть не хуже теплой воды, Алера стала приближаться к горе: нужно как-то уцепиться за неё, потому что когда-то же она закончится и... ох, уже почти вершина! Алера прыгнула в воздухе, завизжала от страха, что сей вздох проскочит выше, где схватиться будет не за что, и тогда она уже не сможет остановиться, будет подниматься и подниматься, пока не достигнет самого порога Божини, а этого допустить нельзя: ведь как же Тахар и Элай без неё?

Она вцепилась в ледяную поверхность скалы чуть ниже вершины и оставшееся расстояние проползла, обливаясь потом, дрожа коленями, всхлипывая и ругая на чем свет стоит это бдыщевое зелье. Что бы ни таилось здесь, за этой горой, оно не стоит такого ужаса!

Потом она наконец влезла наверх, упала спиной в теплую

желтоватую пыль на вершине и даже не удивилась этой пыли и этому теплу, хотя не могло быть такой вершины у скалистой отвесной горы высотой в тысячу переходов. А может, и могла, кто ее знает? Алера никогда не бывала в горах, хотя Лирма не так уж далеко от Эллорской цепи, за которой лежит Большая Пусть. И когда ездили в Эллор, путь пролегал совсем недалеко от гор, но никому в голову не пришло туда лезть. Что там делать-то, призорцев-скальников кормить?

Алера огляделась. Горы и горы, спуск тут не такой крутой, как подъем с той стороны, но все же недостаточно пологий, чтобы по нему сойти. Внизу видна серая слоистая дымка – туман? испарения? через которую угадывается... хм, долина. И холмы. А вот друзей не видно. Наверное, потому что... Потому что нужно спускаться, пока зелье еще действует!

Оказывается, решиться на подъем было куда легче: одно дело – подпрыгнуть, другое – сигануть с горы лицом вниз, не зная, действует еще зелье или нет. Но травяной вкус еще явно ощущался под языком – наверное, это хороший знак, подумала Алера и, не давая себе времени на размышления, нырнула. Понимала, что еще вздох промедления – и она не отважится пошевелиться, останется на вершине навсегда.

– А-а-а-а!

Сам спуск получился, наверное, не таким жутким как подъем: очень воодушевляло, что на тебя несется земля, и мимо нее точно не промахнуться.

Когда уже можно было разглядеть отдельные кусты и да-

же ягоды на них, Алера распласталась в воздухе, вытянула ладони, отчего падение замедлилось, и приземлилась кувырком, как учил когда-то Орим. Божиня знает, почему именно в сей вздох Алере вспомнились те бесконечные кувырки друг через дружку на дедовой учебной площадке – как видно, тело что-то решило без участия головы, во всяком случае, приземление получилось мягким.

Алера вскочила на ноги, выхватила из ножен клинки и замерла, одними глазами проглядела местность: склон холма с неизвестными растениями: кусты – не кусты, деревья – не деревья. Листья у них полосатые и мясистые. Трава – густая, сочная. Никого живого не видать. Совсем никого.

– Ну и где они? – удивилась Алера, вернула клинки в ножны, еще раз огляделась и медленно пошла вверх по склону. В траве виднелась диковинная ползучая ромашка, из-под ног прыгали кузнечики, и вообще было жарко, словно лето только раззадорилось, а не давно уже должно было убраться во свояси. – Таха-ар? Эла-ай?!

Щебечущие вдалеке птицы умолкли.

– И зачем я ору? – спросила себя Алера. – Вот услышит меня магоново войско или ящериный дозор – мне оно понравится?

Однако никто не появлялся, ничего не происходило.

– Отлично, – слегка дрожащим голосом заявила Алера. – Я осталась совершенно одна в незнакомом месте, полном... Кем полным?

Радостно гудели пчелы. Припекало солнце.

– Не могли же они уйти без меня? – бормотала она, отирая рукавом лоб. – Приземлились дальше, в других местах? И как мне их теперь искать? Чего мне делать в этом непонятном мире? Вечно мы ничего не можем спланировать, чтоб хоть понимать, кого избить в случае чего!

На вершине холма рос лес, тоже странный: растения похожи на те, что в самом Море, из которого друзья сюда попали, но какие-то более... старые?

Холм не выглядел очень уж большим, но шла Алера долго, и трава становилась все выше, идти по ней – труднее. У вершины стали попадаться одиночные, поросшие мхом деревья, неизвестные в Ортае, и особо крупные кусты, на некоторых листья – толщиной в три пальца и в руку длиной.

Да-а, едва ли с вершины холма что-то будет видно. Алера в раздумье остановилась под кустом, и тот величаво уронил ей за шиворот прозрачную липкую каплю. Алера взвизгнула и тут же прикусила язык.

– Вот и что я буду делать, если не найду их? – спросила она у куста, и тот качнул другим листом, брызнув жидкостью на рубашку. – Даже если Тахар вечером зажжет светляки – я их не замечу в этих зарослях!

– А-аль!

– Не говоря уже о том, что в темноте из чащи наверняка придет что-нибудь мерзкое. Да, оно явится, расхохочется и сожрет меня. Я буду сопротивляться яростно, но недолго.

– А-а-аль!

– Да что ты орешь, Элай? – завопила Алера. – Я же... Ой... Иду-у!

Голос доносился, судя по всему, с другой стороны холма, и Алера ускорила шаг, почти побежала. Вскоре она выбралась на полянку, которую ни за что бы не заметила за густыми кустами, даже если бы прошла в десяти шагах от нее.

Оба друга ходили по этой поляне туда-сюда и орали. На поваленном бревне сидел незнакомый человек.

Алера остановилась и обалдело уставилась на незнакомца. Самый обычный мужчина, честное слово: лет тридцати, плечистый, голубоглазый и русоволосый, ну то есть совсем ничем не примечательный человек – если бы встретить его довелось в Ортае! Только одежда на нем была не ортайская, а на шее болтался большой деревянный медальон с фигуркой кошки.

За два месяца, что прошли с возвращения из Тамбо, друзья многожды фантазировали о том, что может быть за пределами знакомых путешественникам Миров. Тайные магоновы поселения? Невиданные никогда чудовища? Драконы? Или знакомые Миры, в которые и так можно попасть через другие ортайские порталы?

Реальность, принявшая облик этого мужчины, была поразительна и обидна: уж кого друзья не ожидали встретить за горами, так это людей. А где магоновы войска? Где драконы? Чудовища? Клады, тайны, изумления? Мы зачем сюда при-

перлись, спрашивается?

Мужчина, увидев Алеру, легко соскочил с бревна и заулыбался, словно встретил хорошего знакомого. От улыбки вокруг его глаз разбежались солнечные морщинки.

– Трое в сборе, как и было сказано! – удовлетворённо заявил незнакомец.

Алера посмотрела на друзей, а друзья посмотрели на нее и одинаково развели руками. Мужчина кивнул Алере и повторил то, что уже наверняка сказал раньше Элаю и Тахару:

– Рогуша знала, что вы будете здесь. Она сказала, мне нужно отправиться за вами, поскольку то, с чем вы пришли, назначено мне, а сами вы ничего не возьмете.

Упреждая вопросы, он поднял ладони:

– Я и сам ничего не понял, клянусь своей требухой, но если Рогуша велит куда-то прийти и что-то забрать, значит, нужно так и сделать, а понятно станет потом. Гм. Так вот, меня зовут Фрадген, и я глава Кашунака – это деревня переходах в пяти-шести отсюда. Ну и, я полагаю, пойдёте?

По мере удаления от горной гряды растительность принимала нормальный, привычный всякому ортайцу вид. Остались позади диковинные разлапистые деревья, сменились вначале холмами, поросшими короткой густой травой, затем – хвойным лесом. Животных на глаза так и не попадалось, зато птицы гомонили без умолку.

И было очень тепло, никакого следа осенней сырости и

прохлады. Даже цветы на холмах цвели совсем по-летнему.

Кашунак расположился прямо среди леса: огромный ко-
ржавый четырехугольник, старательно огороженный не слиш-
ком высокой изгородью. Внутри без всякого понятного по-
рядка раскиданы огромные полукруглые палатки из кожи и
тканей, а еще – деревянные навесы, многие – впритык к ство-
лам огромных сосен.

И магоны, магоны вокруг. Странно было ощущать себя
иным, не похожим на окружающих. Магоны были в точности
такие, как в Мирах: ростом с человека или немного выше,
но заметно шире и коренастей, с более короткими руками и
ногами, толстой мертвенно-серой кожей, из-за которой лица
казалось вытесанными из такого же камня, который склады-
вал неприступные мирские горы. На круглых головах маго-
нов выделялись уши, большие и длинные, не острые, как у
эльфов, а именно большие, словно Божиня сначала хотела
приставить их к головам покрупнее магоновых, но потом от-
чего-то передумала.

Раньше, в Мирах, друзья встречали только взрослых муж-
чин-магонов и теперь с любопытством рассматривали жен-
щин – те тоже оказались коренастыми, с грубыми и суровы-
ми лицами, и при таких лицах очень смешно выглядели их
пухлые руки и большие животы. Мужчины-магоны, как и в
Мирах, носили только короткие штаны, на женщинах же бы-
ли полотняные платья или юбки да рубашки. Больше всего
на людей походили дети – худые, тонкие и с более светлой

и нежной кожей.

А больше всего удивляло, что никто из этих магонов не хватался за оружие при виде чужаков. Зато друзьям приходилось все время останавливать и мысленно успокаивать себя, чтобы привычно, мимовольно не тянуться к собственному оружию, не выставлять перед собой руки с подвешенными на них заклинаниями. От этого осознания собственной дурной агрессивности делалось еще больше неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.